

Б. Э. ПЭРИС

НЕРВНЫЙ СРЫВ

Б. Э. Пэрис

Нервный срыв

Издательство «Синдбад»

2017

Пэрис Б.

Нервный срыв / Б. Пэрис — Издательство «Синдбад», 2017

В налаженной жизни школьной учительницы Кэсс все было хорошо. До тех пор, пока она пошла не той дорожкой. Точнее, поехала. А ведь муж советовал возвращаться в вечеринки по освещенной улице, она же решила срезать через лес. И вот пожалуйста – теперь у нее срыв. Настоящий нервный срыв. Проезжая по той самой глухой дороге, она видела припаркованную у обочины машину. И женщину за рулем видела. А утром в новостях передали, что женщину убили. А ведь она, Кэсс, могла помочь! Кэсс тонет в чувстве вины. Стремительно забывает бытовые мелочи, тыкаясь по жизни как беспомощный слепой крот. Не помнит, принимала ли таблетки, куда положила ключи, как попасть домой. А вот лицо женщины – помнит. Да и как тут успокоиться, когда на домашний телефон постоянно кто-то звонит и молчит в трубку. И, похоже, за ней открыта слежка. Что это, происки расшалившегося сознания или реальная опасность? Б.Э.Пэрис, автор полюбившегося психологического триллера «За закрытой дверью», снова с нами! Ее второй роман – «Нервный срыв», финалист международной премии «Лучший триллер года». Это мощная интрига, где каждый персонаж оказывается под подозрением.

© Пэрис Б., 2017

© Издательство «Синдбад», 2017

Содержание

17 июля, пятница	6
18 июля, суббота	10
24 июля, пятница	26
25 июля, суббота	31
26 июля, воскресенье	35
27 июля, понедельник	38
29 июля, среда	41
31 июля, пятница	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Б.Э. Пэрис

Нервный срыв

B. A. Paris
BREAKDOWN

Copyright © 2017 by B. A. Paris
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2020

* * *

Посвящается моим родителям

17 июля, пятница

Мы прощаемся под первые раскаты грома. Расстаемся на летние каникулы. Воздух горячий, липкий. От оглушительного грохота сотрясается земля под ногами, и Конни испуганно вздрагивает. Джон хохочет.

– Поторопись! – кричит он.

Я машу им рукой и бегу по парковке к машине. Когда добираюсь до нее, из сумки доносится приглушенный звук мобильного. По рингтону понимаю, что это Мэттью.

– Выежаю, – говорю я в трубку, нащупывая в темноте ручку двери. – Как раз в машину сажусь.

– Что, уже? – отвечает он. – Я думал, ты поедешь обратно к Конни.

– Я собиралась, но потом представила, как ты меня ждешь, и захотела поскорее вернуться, – ободряюще шучу я: голос у него какой-то безжизненный. – У тебя все хорошо?

– Нормально, просто мигрень жуткая. Час назад накрыло, и становится только хуже. Я потому и звоню: ничего, если я не буду тебя ждать и пойду в постель?

Тяжесть воздуха ощущается кожей. Надвигается гроза; дождя еще нет, но польет с минуты на минуту.

– Ну конечно, иди! Ты что-нибудь выпил уже?

– Да, но толку, по-моему, никакого. Знаешь, я, пожалуй, лягу в гостевой: если удастся заснуть, то ты не разбудишь меня, когда вернешься.

– Хорошая мысль!

– Правда, не хотелось бы засыпать, пока не узнаю, что ты нормально добралась.

– Ничего со мной не случится, – улыбаюсь я. – Тут ехать всего минут сорок. А если срезать через лес по Блэкуотер-Лейн...

– Даже не думай! – Я почти чувствую, как от этого возгласа его голову простреливает боль. – Ох, черт... – Он понижает голос, чтобы не так больно было говорить: – Кэсс, обещай мне, что не поедешь этой дорогой. Во-первых, я не хочу, чтобы ты ехала ночью через лес одна, а во-вторых – гроза начинается.

– Хорошо-хорошо, не поеду, – поспешно соглашаюсь я, забираясь в машину и бросая сумку на пассажирское сиденье.

– Обещаешь?

– Обещаю. – Я завожу мотор и включаю передачу, плечом прижимая к уху нагретый мобильник.

– И осторожней за рулем, – напутствует Мэттью.

– Хорошо. Люблю тебя.

– А я тебя еще больше.

Умиляясь такой настойчивости, я убираю телефон в сумку и трогаюсь. На лобовое стекло шлепаются тяжелые капли. *Началось.*

Когда я выруливаю на шоссе, дождь уже хлещет вовсю. Впереди едет огромная фура, и мои стеклоочистители не справляются с фонтанами воды из-под ее колес. Смещаюсь вправо для обгона, и в этот момент небо сверху донизу разрезает молния. По детской привычке начинаю считать секунды. Гремит на четвертой. Может, все-таки стоило поехать к Конни вместе со всеми? Переждала бы там грозу под шутки и байки Джона. Чувствую угрызения совести: когда я сказала, что не поеду, его взгляд как-то потускнел... И зачем я не к месту упомянула Мэттью? Надо было просто сказать, что устала, и все. Как Мэри, наша директриса.

Дождь превращается в сплошной водяной поток, и машины на скоростной полосе притормаживаются. Нас с моей крошкой «мини» зажимают с двух сторон, и мне приходится вернуться на обычную полосу. Подаюсь вперед и пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть сквозь вет-

ровое стекло, мысленно подгоняя неторопливые дворники. Справа с грохотом проносятся фуры. Вдруг одна из них подрезает меня, без предупреждения встраиваясь в мой ряд. Я резко торможу и вдруг понимаю: здесь становится слишком опасно. Небо прорезает очередная молния, и в ее отсветах виден указатель на Нукс-Корнер – мой поселок. Черные буквы на белом фоне возникают в свете фар, словно маяк. Они как будто зовут меня – и я внезапно, в самый последний момент, сворачиваю влево, на ту короткую дорогу через лес, по которой обещала Мэттью не ехать. Сзади возмущенно ревут клаксоны, и под их завывания я углубляюсь в крошечную тьму. Чувствуется во всем этом что-то зловещее.

Даже дальний свет не помогает разглядеть дорогу, и я уже жалею, что уехала с ярко освещенного шоссе. Днем здесь очень красиво: дорога вьется по усеянному колокольчиками лесу, но в такую погоду все ее живописные изгибы и спуски превращаются в опасные препятствия. При мысли об этом в животе все сжимается. Надо сосредоточиться и не спешить, и тогда я скоро буду дома – ехать-то всего пятнадцать минут! И все же я немного подбавляю газу.

Мощный поток ветра, прорываясь сквозь кроны деревьев, врывается в машину, и, пока я пытаюсь выровнять ее, земля неожиданно уходит из-под колес. На несколько жутких секунд мы повисаем в воздухе, и желудок подпрыгивает, как на американских горках. Наконец машина шлепается на дорогу, вздымая стену воды, которая тут же обрушивается на ветровое стекло и полностью закрывает обзор. Мотор, захлебнувшись, начинает глохнуть.

– Нет, нет! – в отчаянии кричу я.

Страх застрять одной в этом лесу гонит адреналин по венам, заставляя меня хоть что-то предпринять. Со скрежетом переключив передачу, я изо всех сил даю на газ. Мотор жалобно стонет, но машина движется вперед и, рассекая водную гладь, постепенно выезжает из впадины. Щетки мечутся по ветровому стеклу, и сердце подхватывает их бешеный темп – колотится так сильно, что я понимаю: нужно перевести дух. Но так и не решаюсь остановиться, опасаясь, что потом не заведу машину. Продолжаю ехать, но теперь уже аккуратнее.

Пару минут спустя я так резко подсакиваю от внезапного раската грома, что руки срываются с руля. Машина начинает сползать на обочину, и я рывком возвращаю ее обратно. Руки дрожат, и меня накрывает волна страха: доберусь ли я домой целой и невредимой? Пытаюсь успокоиться, но безуспешно – я в плену у разгулявшейся стихии, а корчащиеся в пляске смерти деревья, кажется, вот-вот схватят мою крошечную машинку и бросят на растерзание буре. Невозможно взять себя в руки, когда по крыше барабанит ливень, в окна пытается прорваться ветер, а перед глазами мечутся щетки.

Дорога начинает петлять; подавшись вперед, крепко сжимаю руль. За каждым поворотом я вновь и вновь надеюсь увидеть чьи-нибудь задние огни – как было бы здорово пристроиться за кем-то и ехать так, пока не закончится лес! Но дорога пуста. Ужасно хочется позвонить Мэттью – просто услышать его голос, убедиться, что я не одна на свете; а сейчас мне кажется, что это так. Нет, не хочу его будить, тем более что у него мигрень. К тому же он рассердится, если узнает, где я.

Я уже начинаю думать, что дорога никогда не закончится, но вдруг за очередным поворотом, в сотне ярдов впереди, вижу чьи-то задние огни. Выдыхаю с облегчением – и подбавляю газу. Я так хочу поскорее догнать машину, что, лишь подъехав к ней почти вплотную, вдруг понимаю: она не движется, а стоит, неуклюже припаркованная в небольшом кармане. Резко вывернув руль и проехав в паре дюймов от ее правого бампера, в гневе поворачиваюсь к водителю: я готова наорать на него за то, что не включил аварийку. Сквозь стекло на меня смотрит женщина; ее лица не различить за потоками дождя.

Сломалась, наверно. Не заглушая двигатель, паркуюсь впереди нее. Бедняжка, придется ей выходить из машины и бежать ко мне в такую погоду! Гляжу в зеркало заднего вида, представляя, как она ищет зонтик, и испытываю какую-то странную радость оттого, что не я одна додумалась поехать через лес в самую грозу. И лишь секунд через десять понимаю, что выхо-

дить она не собирается. Ощущаю некоторое раздражение: не хочет же она, чтобы я сама бежала к ней под этим ливнем? Впрочем, возможно, что-то мешает ей выйти из машины. Но тогда она могла бы помогать фарами или посигналить, если ей нужна помощь. Ничего не происходит, и я, не отрывая взгляд от зеркала, отстегиваю ремень безопасности. Мне плохо видно эту женщину, но в том, что она сидит здесь со включенными фарами, есть что-то подозрительное. В памяти всплывают страшилки, которые Рэйчел рассказывала мне в детстве: как люди останавливались помочь кому-то починить машину, а их собственный автомобиль в это время угоняли; как водитель выходил из машины к сбитому оленю, лежащему на дороге, а на него нападали грабители. Я снова пристегиваюсь. Проезжая мимо, я не заметила в машине никого, кроме женщины, но это еще ничего не значит: возможно, сообщники прячутся сзади и ждут удобного момента.

Очередная молния, прорезав небо, исчезает за лесом. Ветер свирепствует; в стекло скребутся ветки, и кажется, будто кто-то хочет залезть в машину. По спине прокатывается холодок, и я, чувствуя себя совершенно незащищенной, опускаю ручник и медленно трогаюсь, чтобы показать женщине, что сейчас уеду. Если она захочет остановить меня, то пусть даст мне это понять. Не дождавшись никакой реакции, я нехотя останавливаюсь. Как-то неправильно будет просто уехать и бросить ее тут. Но и рисковать тоже не хочется. Вспоминаю, что, когда я поравнялась с ней, она не выглядела испуганной, не замахала руками и вообще никак не попыталась привлечь мое внимание. Возможно, к ней уже кто-то едет – муж, например, или кто-то из автосервиса. Если бы у меня посреди дороги сломалась машина, я бы сразу позвонила Мэттью и не рассчитывала на проезжих незнакомцев.

Пока я размышляю, ливень усиливается, барабанной дробью выстукивая по крыше: «Прочь, прочь, прочь!» И это заставляет меня принять решение. Снимаюсь с ручника и отъезжаю на минимальной скорости, оставляя женщине последний шанс. Но она им не пользуется.

Пару минут спустя я выбираюсь из леса. Дом совсем близко – мой милый старый коттедж с вьющимися розами над парадной дверью и разросшимся садом на заднем дворе. Телефон пищит, сообщая о полученной эсэмэске. Еще миля – и я сворачиваю на подъездную дорожку. Паркуюсь как можно ближе ко входу. Какое счастье, что я наконец-то дома, цела и невредима! Не могу выбросить из головы ту женщину в автомобиле; может, на всякий случай позвонить в полицию или автосервис, рассказать о ней? Вспоминаю про сообщение, которое пришло, пока я ехала, и достаю из сумки телефон. Это от Рэйчел.

Привет, повеселилась там? Я уже засыпаю, пришлось с самолета ехать сразу на работу, да еще этот джетлаг. Хотела только узнать: ты тот подарок для Сьюзи купила? Позвоню утром:-*

Я озадаченно хмурюсь: с чего это Рэйчел интересуется, приготовила ли я подарок для Сьюзи? Мне было некогда что-то покупать, под конец учебного года меня завалили работой. Но до завтрашнего вечера еще полно времени; с утра пройду по магазинам и что-нибудь выберу. Я перечитываю сообщение, и в глаза бросается слово «тот». Похоже, Рэйчел считает, что я должна купить какой-то конкретный подарок от нас двоих.

Когда мы с Рэйчел виделись в последний раз? Недели две назад, перед ее отъездом в Нью-Йорк. Она работает консультантом в британском отделении крупной американской консалтинговой фирмы «Финчлейкерз» и часто летает в Штаты в командировку. Тем вечером мы ходили с ней в кино, а потом в бар. Видимо, тогда она и попросила меня купить подарок для Сьюзи. Мучительно пытаюсь вспомнить, что мы с ней могли придумать. Перебираю все варианты – духи, украшения, книги... никаких зацепок. Неужели я забыла? В голову лезут неприятные воспоминания о маме, но я гоню их прочь. *Это не то же самое*, твердо говорю я себе. *Я не она. Завтра я все вспомню.*

Засовываю телефон обратно в сумку. Мэттью прав: мне нужен отдых. Да и ему в общем-то тоже. Я быстро восстановилась бы, если бы провела пару недель на каком-нибудь пляже. Весь медовый месяц мы занимались ремонтом; выходит, в последний раз я по-настоящему отдыхала (то есть совсем ничего не делала и только нежилась целыми днями на солнышке) еще до папиной смерти. Восемнадцать лет назад. Потом с деньгами у нас стало туго – особенно после того, как мне пришлось бросить работу, чтобы заботиться о маме. Вот почему после ее смерти я была потрясена, узнав, что она была вовсе не бедной вдовой. Я никак не могла понять, почему она, имея возможность жить в роскоши, довольствовалась минимальными удобствами. Эта новость настолько меня ошеломила, что я с трудом улавливала разъяснения адвоката; услышав, какая сумма досталась мне в наследство, я лишь молча уставилась на него, не веря своим ушам. Я-то думала, папа ничего нам не оставил.

Отдаленный раскат грома возвращает меня к реальности. Я смотрю в окно, прикидывая, удастся ли мне добежать до дома и не промокнуть. Затем, прижав к груди сумку и держа наготове ключ, открываю дверцу и бросаюсь к крыльцу.

Сбрасываю туфли в холле и на цыпочках поднимаюсь наверх. Дверь в гостевую комнату закрыта; меня так и подмывает приоткрыть ее на дюйм и посмотреть, спит ли Мэттью, но я боюсь разбудить его. Быстро готовлюсь ко сну и, не успев коснуться подушки, засыпаю.

18 июля, суббота

Проснувшись утром, я вижу Мэттью, сидящего на краю постели с чашкой чая.

– Который час? – бормочу я, щурясь от льющегося в окно солнечного света.

– Девять. Я встал в семь.

– А как твоя мигрень?

– Прошла.

Солнце золотит его светло-русые волосы, и я протягиваю руку, чтобы взъерошить его густую шевелюру. Потом с надеждой киваю на чашку:

– Это мне?

– Конечно.

Я слегка приподнимаюсь на кровати и снова откидываюсь на подушки. Внизу по радио звучит «Прекрасный день» Билла Уизерса – эта песня всегда поднимает мне настроение. А впереди у меня полтора месяца каникул. Похоже, жизнь действительно прекрасна!

– Спасибо, – говорю я, забирая у Мэттью чашку. – Получилось поспать?

– Да, спал как убитый. Прости, что не дождался тебя. Как ты доехала?

– Хорошо. Только все время сверкало и гремело, и лило как из ведра.

– Ну, зато сегодня снова солнечно. – Он слегка подталкивает меня локтем: – Подвинься-ка.

Аккуратно, стараясь не разлить чай, я освобождаю ему место, и он забирается ко мне. Потом приподнимает руку, и я, нырнув под нее, кладу голову ему на плечо.

– Тут недалеко от нас женщину мертвую нашли, – произносит он так тихо, что я едва улавливаю его слова. – В новостях только что говорили.

– Кошмар! – Поставив чашку на столик, я поворачиваюсь к нему: – Недалеко – это где? В Браубери?

Он нежно касается пальцами моего лба, отводя прядь волос.

– Нет, ближе. Где-то в лесу, на дороге в Касл-Уэллс.

– На какой дороге?

– Ну, на Блэкуотер-Лейн.

Он наклоняется поцеловать меня, но я отворачиваюсь:

– Мэттью, прекрати!

Сердце пойманной птицей колотится в грудной клетке; я смотрю на Мэттью и жду, что он улыбнется и скажет, что знает, какой дорогой я вчера ехала, и решил меня разыграть. Но он лишь хмурится в ответ:

– Я понимаю. Это ужасно.

– Так это что – правда?

– Ну да! – на его лице искреннее недоумение. – Зачем бы я стал такое выдумывать?

– Но как... – Мне вдруг становится дурно. – Как она умерла? Есть какие-то подробности?

Мэттью качает головой:

– Нет, сказали только, что она была в своей машине.

Я отворачиваюсь, чтобы он не видел моего лица. *Это не может быть та женщина! Не может быть!* Его руки снова обвивают меня.

– Мне пора вставать, – говорю я. – Нужно съездить в магазин.

– Зачем?

– За подарком для Сюзи. У нее сегодня вечеринка, а я еще ничего не купила. – Я свешиваю ноги с кровати и встаю.

– Но это же не срочно, наверно? – возражает Мэттью, но я уже выхожу, прихватив с собой телефон.

Я запираюсь в ванной и включаю душ. Хочу заглушить этот голос в голове, твердящий, что обнаруженная женщина – та самая, мимо которой я проезжала ночью. Меня всю трясет; я сажусь на край ванны и захожу в интернет, чтобы хоть что-то узнать. На Би-би-си это новость дня, но никаких подробностей нет. Пишут только, что женщину нашли мертвой в своей машине неподалеку от Браубери. Нашли мертвой. Значит ли это, что она совершила самоубийство? В голову лезут ужасные мысли.

Лихорадочно пытаюсь восстановить картину. Если это та самая женщина, то она, наверно, остановилась там специально, а не из-за поломки машины. В безлюдном месте, чтобы ей никто не помешал. Вот почему она не мигала фарами и не просила о помощи; не пыталась, глядя на меня сквозь стекло, привлечь мое внимание – что, конечно, сделала бы в случае поломки. Живот сводит от бессилия. Сейчас, в залитой солнечным светом ванной, кажется невероятным, что вчера я просто взяла и уехала. Все ведь могло закончиться иначе, попытайся я узнать, что случилось. Она могла бы сказать, что у нее все хорошо; что машина сломалась, но кто-то уже спешит ей на помощь. Тогда я бы предложила подождать вместе с ней. А если бы она стала настаивать, чтобы я уехала, я бы насторожилась и постаралась ее разговорить. И она, возможно, осталась бы жива. И разве я не хотела вчера позвонить куда-нибудь, сообщить о ней? Но я отвлеклась на сообщение от Рэйчел и на подарок, который должна купить для Сьюзи, – и у меня все вылетело из головы!

– Ты там надолго, дорогая? – интересуется Мэттью через дверь.

– Через минуту выйду! – кричу я сквозь шум льющейся впустую воды.

– Тогда пойду готовить завтрак.

Скинув пижаму, залезаю под душ. Вода горячая – но не настолько, чтобы смыть жгучее чувство вины. Я нервно растираю все тело, стараясь не думать о том, как женщина открывает пузырек с таблетками, высыпает их на ладонь, подносит ко рту и глотает, запивая водой. Какую же трагедию ей довелось пережить, что она захотела убить себя? А пока она умирала, пришлось ли ей хоть на миг пожалеть о своем решении? Отвратительные мысли! Заворачиваю кран и выхожу из душа. Внезапная тишина пугает меня, и я включаю радио в телефоне, надеясь услышать что-нибудь веселое и ободряющее – что-то, что отвлечет от мыслей о той женщине в машине.

«...Женщина была найдена мертвой в своей машине сегодня рано утром на Блэкуотер-Лейн. Ее смерть расценивается как подозрительная. На данный момент больше никаких подробностей не сообщается. Полиция убедительно просит граждан, живущих поблизости, соблюдать осторожность».

У меня замирает сердце. *«Ее смерть расценивается как подозрительная»* – эти слова будто отражаются эхом от стен ванной. Но ведь так полиция обычно говорит, когда кого-то убили! Меня вдруг пронизывает ужас. Я же была там, на том самом месте – неужели одновременно с убийцей? Может быть, он прятался в кустах, высматривая жертву? От мысли, что на ее месте могла оказаться я, что это меня могли убить, начинает кружиться голова. Ухватившись за полотенцесушитель, заставляю себя сделать несколько глубоких вдохов. Должно быть, я сошла с ума, раз поехала ночью той дорогой.

В спальне я торопливо вытаскиваю из кучи одежды на стуле черное хлопковое платье и одеваюсь. Спускаюсь вниз и, еще не открыв дверь кухни, ощущаю запах жареных сосисок, от которого мне становится дурно.

– Праздничный завтрак в честь начала твоих каникул! – радостно объявляет Мэттью.

Не желая портить ему настроение, пытаюсь изобразить улыбку:

– Замечательно!

Я хочу рассказать ему о прошлой ночи, о том, что меня могли убить. Хочу поделиться своим кошмаром, потому что мне слишком тяжело держать это в себе. Но если я скажу, что возвращалась через лес, – и это после того, как он специально попросил меня не ехать той

дорогой, – будет скандал. И не важно, что сейчас я здесь, сижу на кухне целая и невредимая; он все равно разнервничается, будто это я лежу мертвая в машине, и будет ужасаться тому, что могло случиться и какой опасности я себя подвергла.

– Так когда ты в магазин уходишь? – спрашивает он.

На нем серая футболка и тонкие хлопковые шорты. В другое время я бы обязательно подумала о том, как мне повезло, что он достался мне. Но сейчас я почти не смотрю в его сторону: мне кажется, что моя тайна выжжена у меня на лбу.

– Сразу после завтрака, – отвечаю я, глядя в окно на сад и стараясь им любоваться. Но мысли возвращаются к вчерашнему вечеру, и я вспоминаю, как уехала прочь. Тогда она еще была жива, эта женщина в машине.

– А Рэйчел с тобой идет? – прерывает Мэттью мои размышления.

– Нет. – Я вдруг понимаю, что это отличная идея: пожалуй, я могла бы поговорить с Рэйчел, поделиться с ней своими переживаниями. – А что, хорошая мысль. Пойду позвоню ей.

– Только недолго, завтрак почти готов.

– Я на минутку.

Я иду в холл к домашнему телефону (мобильная сеть в доме ловится только наверху) и набираю номер Рэйчел. Она долго не подходит, и, когда наконец отзывается сонным голосом, я вдруг вспоминаю, что она только вчера вернулась из Нью-Йорка.

– Я тебя разбудила? – спрашиваю я, чувствуя неловкость.

– Да, и такое ощущение, что посреди ночи, – ворчит она. – Который час?

– Половина десятого.

– Точно посреди ночи. Получила мое сообщение?

Вопрос застает меня врасплох. Где-то в глубине мозга начинает пульсировать боль.

– Получила, – отвечаю я после паузы. – Но еще ничего не покупала для Сьюзи.

– Эх...

– Совсем не было времени, – торопливо оправдываюсь я, вспоминая, что Рэйчел считает, будто мы договорились об общем подарке. – Ну и я решила подождать до сегодня – вдруг мы с тобой еще что-нибудь придумаем, – добавляю я в надежде заставить ее проговориться.

– А зачем придумывать что-то еще? Все одобрили твою замечательную идею. И кстати, вечеринка-то уже сегодня, Кэсс!

«Все»? Кто такие эти «все»?

– Ну, как знать... – уваливаю я. – Может, сходим за подарком вместе?

– Я бы с радостью, но эта смена часовых поясов...

– А что, если я угощу тебя обедом?

Пауза.

– В «Костеллос»?

– Ага. Давай встретимся в одиннадцать в кафе в «Фентонсе», кофе тоже за мой счет.

Из трубки доносится зевок, потом похрустывание.

– Можно я еще подумаю?

– Нет, – строго отрезаю я. – Давай уже, вылезай из постели. Увидимся в одиннадцать.

Повесив трубку, чувствую некоторое облегчение. Подарок для Сьюзи отходит на второй план: это ерунда по сравнению с жуткими новостями. Возвращаюсь на кухню и сажусь за стол. Мэттью эффектным жестом ставит передо мной тарелку с сосисками, беконом и яичницей:

– Ну как тебе? Красота?

Кажется, я не смогу проглотить ни кусочка.

– Потрясающе! Спасибо! – бодро отзывается я.

Мэттью, усевшись рядом, берет нож и вилку.

– Как там Рэйчел?

– Хорошо. Согласилась со мной пойти.

Глядя в тарелку, я не представляю, как все это съесть. Глотаю пару кусочков, но желудок бунтует. Еще какое-то время ковыряюсь в тарелке, потом сдаюсь и откладываю нож с вилкой.

– Прости, похоже, я еще после вчерашнего не проголодалась.

Мэттью тянется к моей тарелке и насаживает на вилку сосиску.

– Чего добру пропадать, – ухмыляется он.

– Угощайся, конечно.

Его голубые глаза притягивают мой взгляд словно магнитом, не давая отвернуться.

– У тебя все в порядке? Ты какая-то вялая.

Быстро моргаю, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

– У меня та женщина все никак из головы не выйдет, – отвечаю я, ощущая огромное облегчение оттого, что могу об этом говорить, и начинаю тараторить: – По радио сказали, что полиция считает ее смерть подозрительной!

– Значит, ее убили, – отзывается Мэттью, откусывая сосиску.

– Правда? – Я и сама знаю, что правда.

– Обычно они так говорят, пока судмедэксперты не дадут заключение. Жуть, конечно. Никак не пойму, зачем было так рисковать и ехать ночью той дорогой? Конечно, она не могла знать, что ее убьют, но все равно...

– Может, у нее машина сломалась, – отвечаю я, стискивая под столом руки.

– Наверно. Зачем еще было останавливаться в такой глуши? Бедная женщина. Представляю, как ей было страшно. Телефон там не ловит, и она, наверно, молилась, чтобы хоть кто-то проехал мимо и помог. И вот что из этого вышло.

Я хватаю ртом воздух, едва не задохнувшись от потрясения. Меня будто разбудили, вылив на голову ушат ледяной воды, и показали всю чудовищность моего поступка. Я убеждала себя, что она уже кому-то позвонила. Но ведь я знаю, что в лесу связи нет! Почему я это сделала? Забыла? Или просто хотела уехать с чистой совестью? Ну так теперь моя совесть не чиста. Я оставила женщину на произвол судьбы. Отдала в руки убийце.

– Ладно, я поехала, – говорю я, отодвигая стул, и начинаю энергично убирать со стола пустые чашки; только бы он больше не спрашивал, все ли со мной в порядке. – Не хочу заставлять Рэйчел ждать.

– Во сколько же вы встречаетесь?

– В одиннадцать. Но ты же знаешь, какие там пробки в субботу.

– Я так понял, вы обедаете вместе?

– Да. – Я поспешно целую его в щеку: скорей бы уже уйти. – До встречи!

Я хватаю сумку и ключи от машины со столика в холле. Мэттью провожает меня до двери с недоеденным тостом в руке.

– А может, ты заодно заберешь из химчистки мой пиджак? Я бы тогда надел его вечером.

– Конечно, заберу. Где твой талончик?

– Секунду. – Он тянется за бумажником и вынимает из него розовый листок. – Уже оплачено.

Бросив талон в сумку, я открываю входную дверь. В холл врывается солнечный свет.

– Осторожней за рулем, – напутствует он, пока я сажусь в машину.

– Хорошо. Люблю тебя.

– А я тебя еще больше!

* * *

На дороге в Браубери уже полно машин. Я нервно барабаню пальцами по рулю. Я так хотела поскорее вырваться из дома, что не успела подумать, каково мне будет снова оказаться за рулем. На том самом сиденье, с которого я видела ту женщину. Чтобы как-то отвлечься, я

пытаюсь вспомнить, какой подарок придумала для Сьюзи. Они с Рэйчел работают в одной компании, но в разных отделах; когда Рэйчел сказала, что все одобрили мою идею, она, наверно, имела в виду их общих друзей с работы. В последний раз мы с ними виделись примерно месяц назад, и я помню, как Рэйчел воспользовалась тем, что Сьюзи не смогла прийти, и заговорила о вечеринке в честь ее сорокалетия. Может, это тогда я выдвинула идею насчет подарка?

Каким-то чудом нахожу парковочное место на улице недалеко от универсама «Фентонс» и поднимаюсь на пятый этаж в кафе. Внутри толпа народу, но Рэйчел уже на месте – ее ярко-желтое летнее платье сразу бросается в глаза. Голова в темных кудряшках склонилась над мобильником. На столике две чашки кофе. Я вдруг ошущаю прилив благодарности – она всегда такая заботливая! Рэйчел на пять лет старше меня, и она заменила мне сестру, которой у меня никогда не было. Ее мама постоянно работала сверхурочно, чтобы прокормить себя и дочь (муж бросил ее вскоре после рождения Рэйчел). А поскольку они дружили с моей мамой, в детстве Рэйчел проводила у нас много времени, так что мои родители даже ласково называли ее своей второй дочерью. В шестнадцать она бросила школу, чтобы начать работать и облегчить жизнь матери, и завела традицию обедать у нас раз в неделю. С моим папой Рэйчел была особенно близка, и когда его прямо перед домом насмерть сбила машина, то горевала по нему, наверно, не меньше меня. А когда заболела мама и ее нельзя было оставлять одну, Рэйчел раз в неделю приходила с ней посидеть, чтобы я могла пройтись по магазинам.

– Сушняк замучил? – пытаюсь пошутить я, кивая на две чашки. Голос звучит фальшиво. Чувствую себя как на сцене – кажется, все вокруг уже знают, что вчера я видела ту женщину и ничем ей не помогла.

Рэйчел вскакивает и обнимает меня:

– Тут такая очередища, что я решила взять сразу на двоих. Я знала, что ты скоро будешь.

– Прости, пришлось постоять в пробке. Спасибо, что пришла, я тебе правда очень признательна.

– Ты же знаешь, ради обеда в «Костеллос» я готова на все, – отвечает она с лукавыми искорками в глазах.

Усевшись напротив, я отпиваю кофе.

– Ну как вчера все прошло, оторвалась там? – интересуется Рэйчел.

Я улыбаюсь, и напряжение слегка спадает.

– Не то чтобы оторвалась, но было весело.

– А красавчик Джон был?

– Конечно. Все учителя были.

– Надо было и мне заглянуть, – ухмыляется она.

– Он для тебя слишком молод, – фыркаю я. – И к тому же у него есть девушка.

Рэйчел вздыхает:

– Эх, подумать только – а ведь он мог быть твоим!

Я, подыгрывая ей, сокрушенно качаю головой: она до сих пор недоумевает, как можно было выбрать не Джона, а Мэттью.

После маминой смерти Рэйчел мне очень помогла. Старалась вытащить из дома, брала с собой на вечеринки. Общалась она в основном с коллегами и знакомыми по йоге, и при первой встрече они обычно спрашивали меня, где я работаю. Месяца два я объясняла всем, что бросила работу в школе, чтобы ухаживать за мамой, и как-то раз меня спросили, почему же теперь я не возвращаюсь на работу. И я вдруг ужасно захотела вернуться. Мне надоело сидеть дома и наслаждаться вновь обретенной свободой, которой я не видела много лет; я хотела жить – жить полной жизнью тридцатитрехлетней женщины.

Мне повезло – из-за острой нехватки учителей в нашем округе меня направили на курсы повышения квалификации, а потом взяли в школу в Касл-Уэллсе вести историю в девятом классе. Было здорово снова начать работать; а тут еще Джон, по которому сохли все учитель-

ницы и ученицы, вдруг пригласил меня на свидание, и это мне очень польстило. Если бы мы не работали вместе, я бы, наверно, согласилась. Но, несмотря на мой отказ, Джон не сдавался. Он был так настойчив, что я даже вздохнула с облегчением, когда познакомилась с Мэттью.

Я отпиваю еще глоток.

– Ну как там в Америке?

– Очень утомительно. Бесконечные переговоры и слишком много еды. – Рэйчел достает из сумки плоский пакет и протягивает его мне через стол.

– Мое кухонное полотенчко! – радуюсь я, доставая полотенце и разворачивая его. Карта Нью-Йорка; а в прошлый раз было со статуей Свободы. У нас с Рэйчел такая традиция – когда она куда-то едет, в командировку или в отпуск, то обязательно привозит два одинаковых кухонных полотенца: одно себе, другое мне.

– Спасибо! Надеюсь, ты купила себе такое же?

– Конечно! – Ее лицо становится серьезным. – Ты слышала про женщину, которую вчера нашли мертвой в машине? На той дороге через лес, которая ведет сюда из Касл-Уэллса?

Нервно сглотнув, я складываю полотенце вдвое, затем вчетверо и наклоняюсь убрать его в сумку.

– Да, Мэттью говорил. Это было в новостях, – отвечаю я из-под стола.

Рэйчел дожидается, пока я вернусь в вертикальное положение, и, передернув плечами, продолжает:

– Ужасно, правда? Полиция считает, что у нее сломалась машина.

– Seriously?

– Ага. – Она закатывает глаза. – Кошмар, представляешь – сломаться в такую грозу и в такой глуши, а? Даже думать об этом не хочу.

Я уже готова выпалить, что была там и видела женщину, но что-то меня останавливает. Сдерживаюсь огромным усилием воли. Здесь слишком людно, и к тому же Рэйчел так эмоционально отреагировала на эту историю... Боюсь, она меня осудит. Ужаснется, что я ничего не сделала.

– Да уж, я тоже, – отвечаю я.

– Ты, кажется, едешь иногда по этой дороге? Неужели и вчера тоже ехала?

– Нет, что ты! Когда я одна в машине, я так не рискую.

Чувствую, как краснею. Она наверняка догадается, что это ложь.

Однако Рэйчел, ничего не заметив, продолжает:

– И все же ты могла оказаться на ее месте.

– Вот только моя машина бы не сломалась.

Рэйчел улыбается, и мне становится немного легче.

– Как знать! А может, и ее машина не сломалась. Это же только версия. Может, ее кто-то остановил – притворился, что ему нужна помощь. Любой бы остановился помочь, правда ведь?

– Да ну? На безлюдной дороге, ночью, в грозу? – Я отчаянно надеюсь, что она со мной согласится.

– Ну, если есть хоть капля совести. Нормальный человек не проехал бы мимо, хоть что-нибудь попытался бы предпринять.

От такой отповеди у меня на глаза наворачиваются слезы. Чувство вины становится нестерпимым. Не хочу, чтобы Рэйчел видела, как подействовали на меня ее слова; опускаю голову, уставившись на вазочку с оранжевыми цветами на нашем столике. Но лепестки распливаются перед глазами, и я в смущении ныряю к сумке за бумажными платочками.

– Кэсс, что с тобой?

– Ничего, все хорошо.

– Мне так не кажется.

Ее голос звучит озабоченно. Я сморкаюсь, пытаюсь выиграть время. Мне жизненно необходимо кому-то обо всем рассказать.

– Не знаю почему, но я не...

– Что ты не? – Рэйчел смотрит озадаченно.

Я открываю рот, чтобы признаться, и тут же понимаю: если я все расскажу, то Рэйчел не только будет шокирована тем, что я ничего не сделала для той женщины, но и уличит меня во лжи – ведь я только что соврала, что не ехала вчера той дорогой. И я мотаю головой:

– Ладно, не важно.

– А мне кажется, важно. Кэсс, скажи, что случилось?

– Не могу.

– Но почему?

Я мну пальцами салфетку.

– Потому что мне стыдно.

– Стыдно?

– Да.

– Из-за чего?

Я молчу, и Рэйчел нетерпеливо вздыхает:

– Ну Кэсс, давай уже, рассказывай. Что такого ужасного могло произойти?

От ее раздражения я нервничаю еще сильнее и лихорадочно пытаюсь придумать, что ей сказать, чтобы она поверила.

– Я забыла про Сюзи, – выпаливаю я. Как же гадко прикрываться такой ерундой по сравнению с убийством! – Забыла, что должна для нее что-то купить.

– Как это *забыла*? – хмурится она.

– Просто не могу вспомнить, что мы решили ей купить.

– Но ты же это сама придумала, – изумляется она. – Сказала, что, раз Стивен везет ее на день рождения в Венецию, нужно подарить ей легкий чемодан. Это было, когда мы сидели в баре возле моей работы, – поясняет она.

Изображаю на лице облегчение, хотя ее слова мне ни о чем не говорят.

– Ах да! Теперь вспомнила. Боже, я такая глупая! Думала, это духи или еще что-нибудь...

– Но не за такие же деньжищи! Мы ведь все скинулись по двадцать фунтов, если помнишь. Так что в общей сложности у тебя должно быть сто шестьдесят фунтов. Взяла их с собой?

Сто шестьдесят фунтов?! Как я могла забыть о такой сумме?! Мне хочется во всем признаться, но я уже совершенно запуталась и продолжаю притворяться:

– Я решила, что расплачусь картой.

Рэйчел ободряюще улыбается:

– Ну вот, и никакой трагедии! Допивай свой кофе, пока не остыл.

– Кажется, уже остыл. Давай я возьму нам еще по чашке?

– Я схожу, а ты посиди и отдохни.

Я смотрю, как Рэйчел занимает очередь у стойки, и стараюсь прогнать неприятные предчувствия. Хорошо, наверно, что я промолчала насчет той женщины в машине; но вместо этого пришлось признать, что я забыла про чемодан. Рэйчел не дуручка – она видела, как мамино состояние ухудшалось с каждой неделей, и я не хочу ее расстраивать. Не хочу, чтобы она подумала, будто меня ждет то же самое. Хуже всего то, что я совершенно не помню о своем предложении купить чемодан и об этих ста шестидесяти фунтах. Куда я их могла сунуть? Разве что в ящик старого письменного стола... Конечно, дело не в деньгах – даже если я не найду их, ничего страшного не случится. Пугает то, что я забыла абсолютно все, касающееся подарка для Сюзи.

Рэйчел возвращается с двумя чашками.

– Можно задать еще пару вопросов? – спрашивает она, усаживаясь за стол.

– Давай.

– Знаешь, это совершенно на тебя не похоже – так сокрушаться из-за какой-то ерунды. Подумаешь, забыла, какой подарок должна купить. Может, тебя что-то еще расстроило? У вас с Мэттью все в порядке?

В сотый раз испытываю неловкость из-за того, что Рэйчел и Мэттью друг друга недолюбливают. Между ними всегда ощущается скрытое недоверие, хоть они и стараются не подавать виду. Справедливости ради, Мэттью не жалуется Рэйчел только из-за того, что она сама настроена к нему враждебно. А вот с Рэйчел все сложнее, ведь у нее нет никаких причин плохо относиться к Мэттью. Временами мне в голову закрадывается догадка, что она просто завидует тому, что в моей жизни кто-то появился, но мне сразу становится стыдно за такие мысли. Я же знаю: Рэйчел за меня очень рада.

– Да, все хорошо, – заверяю я ее, стараясь отогнать воспоминания о прошлой ночи. – Я и правда расстроилась из-за подарка.

Эти слова звучат предательски по отношению к той женщине в машине.

– Ну, ты в тот вечер вообще-то перебрала, – вспоминает Рэйчел улыбаясь. – За руль тебе не надо было, Мэттью за тобой заехал, и вина ты выпила прилично. Может, потому и забыла все.

– Да, наверное...

– Ладно, допивай, и пойдем что-нибудь купим.

Мы допиваем кофе, спускаемся на четвертый этаж и довольно быстро выбираем два бирюзовых чемодана. Когда мы выходим из магазина, я чувствую на себе испытующий взгляд Рэйчел.

– Ты все еще хочешь, чтобы мы пообедали вместе? – спрашивает она. – Можешь пере-думать, если что.

Я представляю, как сейчас придется сидеть за столом и болтать обо всем и ни о чем, старательно избегая разговора о той женщине, и вдруг чувствую, что не выдержу.

– Знаешь, у меня что-то голова совсем раскалывается. Слишком хорошо вчера праздновали, наверно. Давай пообедаем на следующей неделе? Я же теперь в любой день могу, у меня каникулы.

– Конечно, давай. Но к Сюзи-то ты сегодня собираешься? Придешь в себя к вечеру?

– Разумеется! Но ты не могла бы на всякий случай прихватить эти чемоданы?

– Легко! Ты где припарковалась?

– В конце Хай-стрит.

– Понятно, – кивает она. – А я на многоэтажной. Тогда прощаемся здесь?

Я показываю на чемоданы:

– Донесешь сама?

– Они же легкие, забыла? Ну а если не донесу, то наверняка найду какого-нибудь прекрасного юношу, который мне поможет.

Быстро обняв ее на прощание, я иду к машине. Включаю зажигание, и на панели отображается время: одна минута второго. Я совсем не хочу слушать новости, но что-то заставляет меня включить радио.

«Прошлой ночью на дороге Блэкуотер-Лейн между Браубери и Касл-Уэллсом в машине было обнаружено тело жестоко убитой женщины. Просим всех, кто проезжал по Блэкуотер-Лейн в период между одиннадцатью часами двадцатью минутами вечера и часом пятнадцатью ночи или знает кого-то, кто там проезжал, срочно с нами связаться».

Трясущейся рукой я выключаю радио. *Жестоко убитой.* Слова повисли в воздухе. Меня бросает в жар, я чувствую слабость, и приходится опустить стекло, только чтобы не задохнуться. Почему нельзя было сказать просто «убитой»? Неужели это недостаточно страшно звучит? Рядом притормаживает машина, и водитель подает мне знаки, пытаюсь узнать, паркуюсь

я или выезжаю. Я отрицательно мотаю головой, и он едет дальше. Через минуту – еще машина, другой водитель с тем же вопросом; потом еще одна. Но я не хочу никуда ехать. Хочу остаться тут, пока об этом убийстве не перестанут говорить, пока все не переключатся на другие новости и не забудут о жестоко убитой женщине.

Я знаю, что это глупо, но я чувствую себя виновной в ее смерти. Глаза обжигает слезами. Я не верю, что чувство вины когда-нибудь пройдет. Мне придется пронести его через всю жизнь – какая непомерная цена за минуту эгоистичной слабости! Но от правды не убежать: если бы я не поленилась выйти из машины, та женщина могла остаться в живых.

Машина стала для меня чем-то вроде защитного пузыря, и я еду медленно, оттягивая момент, когда придется из нее выйти. Когда я доберусь до дома, новости об убийстве будут уже повсюду – по телевизору, в газетах, в разговорах, – чтобы постоянно напоминать мне о том, что я могла помочь и не сделала этого.

Я выхожу из машины, и запах костра на заднем дворе тут же уносит меня в детство. Закрываю глаза, и на несколько блаженных секунд жаркий и солнечный июльский день превращается в ясный и морозный ноябрьский вечер. Мы с мамой откусываем насаженные на вилки сосиски, а папа запускает на заднем дворе фейерверки. Я открываю глаза. Солнце ушло за тучу, будто решив соответствовать моему настроению. В любой другой день я первым делом пошла бы к Мэттью, но сейчас направляюсь прямо в дом, радуясь возможности еще немного побыть наедине с собой.

Через несколько минут Мэттью заходит в кухню.

– Значит, мне не показалось, что я услышал машину, – говорит он. – Не ждал тебя так рано. Вы же, кажется, собирались пообедать?

– Да, но потом передумали.

– Вот и славно. – Он легонько целует меня в макушку. – Значит, пообедаем вместе.

– Ты костром пахнешь, – отмечаю я, уловив запах от его футболки.

– Да, решил избавиться от веток, которые срезал на той неделе. Хорошо, что они лежали под брезентом и не намокли от дождя. Для камина они бы не подошли, слишком много дыма от них. – Его руки обвивают мои плечи. – А ты знаешь, что создана для меня? – спрашивает он с нежностью; в начале нашего знакомства он часто повторял эти слова.

К тому времени я работала в школе уже примерно полгода. Как-то мы с коллегами отправились в бар отмечать мой день рождения. Едва мы вошли, Конни обратила внимание на Мэттью. Он сидел за столиком один и явно кого-то ждал, и она пошутила, что если его девушка не явится, то она сама готова ее заменить. Вскоре стало ясно, что свидание не состоится. Конни, уже слегка навеселе, подошла к нему и предложила присоединиться к нам.

– Я надеялся, никто не заметит, что меня продинамили, – печально сообщил он, когда Конни усадила его между собой и Джоном, то есть прямо напротив меня.

Я не могла не заметить, как спадают на лоб его волосы, и не утонуть в голубизне его глаз, когда он на меня поглядывал (а Мэттью делал это довольно часто). Я старалась не придавать этому значения – и оказалась права: когда мы, опустошив несколько бутылок вина, собрались уходить, он уже сохранил в телефоне номер Конни.

Через несколько дней она подошла ко мне в учительской с заговорщицкой ухмылкой и сказала, что Мэттью попросил мой телефон. Я разрешила дать мой номер, и когда Мэттью позвонил, то взволнованным голосом сказал: «Я с первого взгляда понял, что ты создана для меня».

Когда мы начали встречаться, Мэттью признался, что не может иметь детей. Он сказал, что поймет, если я больше не захочу его видеть, но я уже была влюблена по уши; новость меня расстроила, но я не стала делать из нее трагедии. К тому времени, как он сделал мне предложение, мы уже успели обсудить разные варианты и решили, что серьезно поговорим о

ребенке через год после свадьбы. То есть совсем скоро. Обычно эта мысль не выходит у меня из головы, но сейчас она кажется недостижимо далекой.

– Купили то, что хотели? – спрашивает Мэттью, не разнимая рук.

– Да, купили для Сьюзи чемоданы.

– У тебя все хорошо? Ты выглядишь расстроенной.

Я вдруг чувствую острое желание побыть одной.

– Голова побаливает, – отвечаю я, высвобождаясь из его объятий. – Пойду, пожалуй, выпью аспирин.

Поднимаюсь наверх, беру в ванной две таблетки аспирина и запиваю их водой из-под крана. Подняв голову, вижу свое отражение в зеркале и начинаю тревожно изучать его, выискивая что-то, что может меня выдать; что-то, что могло бы вызвать у людей подозрения. Но ничего не нахожу: все то же, что и год назад, когда я выходила за Мэттью. Те же каштановые волосы и те же голубые глаза.

Отворачиваюсь от своего отражения и иду в спальню. Кучка моей одежды переместилась с кресла на аккуратно заправленную постель. Тонкий намек от Мэттью на то, что я должна убрать ее. В другой день меня бы это позабавило, но сейчас только раздражает. Взгляд падает на старый письменный стол моей прабабушки, и я вспоминаю про деньги, о которых говорила Рэйчел. Сто шестьдесят фунтов на подарок для Сьюзи. Если я их действительно собрала, то они должны быть тут, в столе: здесь я храню то, что нельзя терять. Глубоко вдохнув, я отпираю небольшой ящик с левой стороны и выдвигаю его. Внутри лежит кучка банкнот. Пересчитываю их; ровно сто шестьдесят фунтов.

В мягком спокойствии спальни передо мной угрожающе предстают неопровержимые доказательства моей забывчивости. Не запомнить чье-то лицо или имя нормально, но забыть, как сама же предложила идею с подарком и собрала на него деньги, – уже нет.

– Выпила аспирин? – спрашивает Мэттью с порога.

Вздвигнув от неожиданности, я торопливо задвигаю ящик.

– Да, мне уже лучше.

– Хорошо, – улыбается он. – Я сделаю себе сэндвич. А ты хочешь? Я бы еще пива выпил.

От одной мысли о еде мне все еще тошно.

– Нет, ешь без меня, я потом. Разве что чаю сейчас выпью.

Я спускаюсь в кухню вслед за Мэттью и сажусь за стол. Он ставит передо мной чашку. Потом достает из буфета хлеб, из холодильника – нарезанный чеддер, на весу сооружает бутерброд и откусывает.

– Об этом убийстве по радио все утро говорили, – сообщает он, роняя на пол крошки. – Дорогу перекрыли, вся полиция туда съехалась, ищут улики. И ведь все это случилось в пяти минутах от нас – с ума сойти!

Я изо всех сил пытаюсь не дрожать. Рассеянно смотрю на белые крошки на керамической плитке пола. Они как затерявшиеся в море жертвы кораблекрушения, которым неоткуда ждать помощи.

– Известно что-нибудь об этой женщине? – спрашиваю я.

– Полиции, видимо, да, потому что они нашли ее ближайших родственников, но подробности пока не раскрывают. Страшно представить, через что им предстоит пройти. А знаешь, о чем я все время думаю? Что на ее месте могла оказаться ты, если бы по глупости поехала вчера той дорогой!

Я встаю с чашкой в руке:

– Пойду прилягу ненадолго.

– У тебя точно все хорошо? – Он озабоченно вглядывается в мое лицо. – Ты неважно выглядишь. Может, не стоит идти сегодня на вечеринку?

Я понимающе улыбаюсь: Мэттью не любитель тусовок. Ему больше нравится дружеское общение за скромным ужином.

– Мы должны пойти, у Сьюзи все-таки юбилей.

– Даже если у тебя раскалывается голова?

В его голосе слышится возражение, и я вздыхаю.

– Да, – отвечаю я твердо. – Не переживай, ты не обязан общаться там с Рэйчел.

– Да я не против с ней общаться, просто она всегда так неодобрительно на меня смотрит.

Мне каждый раз кажется, будто я сделал что-то плохое. Кстати, ты забрала мой пиджак из химчистки? – меняет он тему, и у меня падает сердце.

– Ой, прости, совсем забыла!

– Ладно, ничего страшного. Надену что-нибудь другое.

– Извини, – повторяю я, вспоминая о том подарке и обо всем, что я забыла за последнее время. Несколько недель назад Мэттью пришлось вызволять меня из супермаркета с полной тележкой продуктов, потому что кошелек я оставила на кухонном столе. Потом он как-то раз обнаружил среди моющих средств бутылку молока, а в холодильнике – моющее средство. Потом я забыла о том, что записалась на прием к стоматологу, и Мэттью пришлось отвечать по телефону на гневную тираду моего врача. Пока он только отшучивается и говорит, что это все из-за перегрузок на работе в конце учебного года. Но он не знает про другие случаи, когда память меня подводила, – как с подарком для Сьюзи, например. Случалось, что я приезжала на работу без учебников; забывала о записи к парикмахеру и о встрече с Рэйчел; а месяц назад проехала двадцать пять миль до Касл-Уэллса, не заметив, что оставила дома сумку. Хотя Мэттью знает, что моя мама умерла в пятьдесят пять и незадолго до кончины стала забывчивой, подробностей я ему не рассказывала и не говорила, как в последние три года мне приходилось ее кормить, мыть и одевать. И он не знает, что в сорок четыре – то есть когда ей было всего на десять лет больше, чем мне сейчас, – у нее диагностировали деменцию. Тогда мне казалось, что Мэттью вряд ли захочет жениться на мне, услышав о возможной перспективе: что, если тот же диагноз через каких-нибудь десять-пятнадцать лет поставят мне?

Сейчас я знаю, что ради меня Мэттью готов на все; но прошло уже слишком много времени. Как мне теперь признаться в том, что я от него скрывала? Он был честен со мной и предупредил, что не может иметь детей, а я за откровенность отплатила непорядочностью; позволила эгоистичным страхам поставить меня на путь лжи. *Вот теперь и расплачиваюсь за это*, мелькает в голове, пока я укладываюсь в постель.

Пытаюсь расслабиться, но в памяти бесконечно, как кадры киноплёнки, сменяют друг друга картины прошлой ночи. Вот я вижу впереди на дороге машину; вот я резко объезжаю ее; вот поворачиваю голову, чтобы взглянуть на водителя. И вот размытое женское лицо глядит на меня сквозь стекло.

* * *

Во второй половине дня ко мне заглядывает Мэттью:

– Я, пожалуй, схожу в спортзал на пару часов. Если, конечно, ты не хочешь со мной прогуляться или что-то еще...

– Нет-нет, иди, – отзываюсь я, радуясь возможности еще немного побыть одной. – Мне тут нужно разобраться с бумагами, которые я притащила из школы. Если не сделаю это сегодня, то потом уже себя не заставлю.

– Ладно, – кивает он. – Значит, когда я вернусь, выпьем по заслуженному бокалу вина.

– Договорились. – Я подставляю щеку для поцелуя. – Развлекайся.

Входная дверь захлопывается, но вместо того чтобы пойти в кабинет разбирать бумаги, я встаю у кухонного стола и отдаюсь во власть мыслей. Звонит домашний телефон. Это Рэйчел.

– Ты не представляешь! – говорит она, задыхаясь. – Та женщина, которую убили, оказывается, у нас работала!

– Господи... – лепечу я.

– Ужасно, правда? Сюзи в шоке. Совсем расстроилась и отменяет вечеринку. Сказала, что не может праздновать, когда убили знакомого человека.

Я чувствую что-то вроде облегчения оттого, что не нужно никуда идти, однако та женщина в машине становится все более реальной, и это только сильнее угнетает.

– Я ее почти не знала, она работала в другом отделе, – продолжает Рэйчел. – Знаешь, я чувствую себя ужасно. Вчера, когда я приехала из аэропорта в офис, разругалась там с одной дамой из-за парковочного места, и мне кажется, что это была она. Я на нее накричала, вся на нервах была из-за этого перелета, а теперь вот совесть мучает.

– Ну ты же не могла знать, – машинально отвечаю я.

– Сюзи говорит, коллеги этой женщины просто раздавлены. Некоторые знают ее мужа, и он, говорят, совсем обезумел от горя. Еще бы! Остался один с двухлетними близняшками...

– Близняшками? – это слово эхом отдается в моей голове.

– Да, у них две девочки. Такая трагедия!

– А как ее звали? – спрашиваю я леденя.

– Сюзи говорит, Джейн Уолтерс.

Меня словно ударили обухом по голове.

– Что? Ты сказала, Джейн Уолтерс?

– Да.

В голове все плывет и кружится.

– Не может быть. Это невозможно!

– Но так сказала Сюзи, – настаивает Рэйчел.

– Но мы... мы же с ней обедали вместе! – от потрясения я едва выговариваю слова. – Мы обедали, и все было в порядке. Это какая-то ошибка!

– Вы с ней обедали? – Голос у Рэйчел озадаченный. – А когда? То есть в смысле, откуда ты ее знаешь?

– Мы познакомились на вечеринке, на которую ты меня водила. По случаю увольнения какого-то Колина, который у вас работал. Ты тогда еще сказала, что будет толпа народу и никто не догадается, что я не работаю в «Финчлейкерз». Мы разговорились с ней у бара, обменялись телефонами. А через пару дней она мне позвонила. Я тебе говорила, когда ты звонила из Нью-Йорка, помнишь? Сказала, что собираюсь с ней встретиться на следующий день. По крайней мере, мне казалось, что я говорила...

– Да нет, не думаю, – мягко отвечает она, понимая мое состояние. – Но даже если бы ты сказала и назвала ее имя, я бы все равно не поняла, о ком речь. Мне очень, очень жаль, Кэсс. Ты сейчас, наверно, ужасно себя чувствуешь.

– Я же собиралась к ней в гости на следующей неделе! – вспоминаю я, и глаза застилают слезы. – Познакомиться с ее маленькими дочками!

– Страшно это все. И страшно подумать, что убийца разгуливает где-то поблизости. Не хочу тебя пугать, Кэсс, но от вашего дома до того места всего пара миль. И живете вы на отшибе, в самом конце улицы.

– Ох... – выдыхаю я сквозь подступившую дурноту. Со всеми своими страхами и переживаниями я как-то не подумала, что убийца еще на свободе. А мобильная сеть у нас ловится только на втором этаже у окна.

– У вас ведь еще и сигнализации нет?

– Нет.

– Тогда обещай мне запираť дверь, когда остаешься одна.

– Да, конечно, буду запирасть. – Мне отчаянно хочется сбежать от этого разговора, хочется прекратить наконец обсуждать это убийство. – Извини, Рэйчел, мне пора, – быстро говорю я. – Мэттью зовет.

Бросив трубку, я разражаюсь слезами. Не хочу верить тому, что сказала Рэйчел. Не хочу, чтобы женщина, найденная убитой в машине, оказалась моей Джейн – моей новой подругой, моей будущей лучшей подругой! Я случайно попала на ту вечеринку, мы случайно встретились с Джейн у бара – нас как будто сама судьба свела. Сквозь рыдания я словно наяву вижу, как Джейн пробирается к барной стойке.

* * *

– Простите, вы стоите в очереди? – спросила она, улыбаясь.

– Нет-нет, я просто жду мужа. Он должен меня забрать. – Я слегка подвинулась, освобождая ей место. – Можете тут протиснуться, если хотите.

– Спасибо. Хорошо еще, что мне не требуется срочно выпить! – пошутила она, кивнув на толпу в очереди. – Не думала, что Колин позовет столько народу. – Она взглянула на меня вопросительно, и я отметила потрясающую голубизну ее глаз. – Я вас раньше не видела. Вы недавно в «Финчлейкерз»?

– Вообще-то я не из «Финчлейкерз», – виновато призналась я. – Я пришла с подругой. Я знаю, что эта вечеринка для своих, но она сказала, что в такой толпе все равно – одним больше, одним меньше. Никто не заметит. Мой муж сегодня смотрит матч с друзьями, и она решила развлечь меня, чтобы я не скучала одна.

– Хорошая у вас подруга!

– Да, Рэйчел замечательная.

– Рэйчел Баретто?

– Вы ее знаете?

– Не то чтобы очень. А мой муж тоже сегодня смотрит матч, – весело улыбнулась она. – И нянчит наших двухлетних близняшек.

– Ой, как здорово, у вас близняшки! А как их зовут?

– Шарлотта и Луиза. Точнее, Лотти и Лулу. – Она достала из кармана телефон и пролистала фотографии. – Алекс, мой муж, постоянно твердит, чтобы я перестала показывать их всем подряд, по крайней мере незнакомым людям. Но я не могу не показывать! – Тут она протянула мне телефон: – Вот они.

– Какие хорошенькие! – искренне восхищалась я. – В этих белых платьицах они настоящие ангелочки. А где кто?

– Вот это Лотти, а это Лулу.

– Они совсем одинаковые? Похожи как две капли воды.

– Нет, не совсем. Но их и правда трудно различить.

– Еще бы. – Я увидела, что бармен ждет ее заказа. – О, кажется, ваша очередь подошла.

– Отлично. Бокал красного южноафриканского, пожалуйста. – Она обернулась ко мне: – Могу я вас угостить?

– Да Мэттью уже сейчас приедет, хотя... – Я задумалась на секунду. – Раз я не за рулем, то почему бы и нет? Спасибо! Мне бокал сухого белого, пожалуйста.

– Кстати, я Джейн.

– А я Кэсс. Но я не хочу, чтобы вы задерживались тут из-за меня; ваши друзья уже, наверно, заждались.

– Не думаю, что за несколько минут они успеют соскучиться. – Она подняла бокал: – За случайные встречи! Все-таки здорово, что сегодня можно выпить. Я редко куда-то выбираюсь с тех пор, как дочки родились. А если и выбираюсь, то за рулем. Но сегодня меня подвезут.

– А где вы живете?

– В Хестоне. Это с другой стороны от Браубери. Знаете?

– Была там в пабе пару раз. Там еще через дорогу уютный маленький парк.

– Да, с прекрасной детской площадкой, – улыбнулась она, – где я теперь всегда бываю.

А вы живете в Касл-Уэллсе?

– Нет, в небольшом поселке по эту сторону от Браубери. Нукс-Корнер.

– Я иногда проезжаю через него, если возвращаюсь из Касл-Уэллса и срезаю через лес.

У вас там очень красиво, повезло вам!

– Да, только наш дом совсем уж на отшибе. Зато шоссе рядом, всего несколько минут до него. Я работаю в Касл-Уэллсе – преподаю в старшей школе.

Джейн снова улыбнулась:

– Тогда вы, наверно, знаете Джона Логана?

– Джона? – От удивления я даже засмеялась. – Конечно, я его знаю! Вы с ним дружите?

– Раньше мы вместе играли в теннис, но несколько месяцев назад перестали. Он все так же вечно шутит?

– Не останавливается ни на минуту.

У меня в руке зажужжал мобильник: пришло сообщение.

– Это Мэттью, – пояснила я Джейн, прочитав его. – На парковке нет мест, и он встал во втором ряду на улице.

– Тогда идите скорей.

Я быстро допила вино.

– Очень приятно было пообщаться, – сказала я совершенно искренне, а не просто из вежливости. – И спасибо за угощение!

– Не за что... – Она помедлила, а затем торопливо произнесла: – Не хотели бы вы как-нибудь встретиться и выпить кофе или пообедать?

– С удовольствием! – обрадовалась я. – Обменяемся телефонами?

Мы записали номера друг друга, и еще я дала ей мой домашний номер, посетовав на ужасное качество связи. Джейн обещала со мной связаться.

Через несколько дней она позвонила и предложила пообедать в ближайшую субботу. Ее муж был готов остаться дома с детьми. Помню, как я удивилась и обрадовалась, что она объявилась так скоро, и решила, что ей, возможно, нужно с кем-то поговорить.

Мы встретились в ресторане в Браубери. Беседа текла так легко, словно мы были старыми друзьями. Джейн рассказала об Алексе и о том, как они познакомились, а я – о Мэттью и о наших планах завести детей. Мэттью должен был заехать за мной в три, и, увидев его на улице у ресторана, я не могла поверить, что время пролетело так быстро.

– А вот и Мэттью, – кивнула я в сторону окна. – Похоже, приехал слишком рано. – Тут я взглянула на часы и изумленно засмеялась: – Нет, он вовремя! Неужели мы сидим здесь уже два часа?

– Видимо, да.

Ее голос прозвучал отрешенно. Подняв глаза, я увидела, что она пристально смотрит в окно на Мэттью, и невольно ощутила прилив гордости. Ему не раз говорили, что он похож на молодого Роберта Редфорда, и люди на улице – особенно женщины – часто на него оборачиваются.

– Давай я схожу за ним? – предложила я, поднимаясь. – Познакомлю вас.

– Нет-нет, не стоит. Он, кажется, занят.

Я взглянула на Мэттью: он что-то набирал на телефоне, с головой погрузившись в это занятие.

– В другой раз. Сейчас мне нужно позвонить Алексу.

Я попрощалась и ушла. На улице, взяв Мэттью под руку, обернулась и помахала Джейн через окно.

* * *

Воспоминания уходят, и накатывает новый приступ рыданий. Кажется, я не проливала столько слез даже после маминой смерти – ведь она не была внезапной. Новость о Джейн потрясла меня до глубины души, перевернула все внутри, и я не сразу понимаю, что к чему, но через какое-то время приходит ужасное осознание. Это Джейн была в машине вчера ночью. Это она смотрела на меня в окно, пока я проезжала мимо. Это ее я бросила в руки убийцы. Охвативший меня ужас по силе сравнится разве что с давящим чувством вины, от которого я задыхаюсь. Пытаясь успокоиться, я говорю себе, что если бы ливень был не таким сильным, если бы я разглядела лицо Джейн и узнала ее, то не раздумывая выскочила бы из машины и побежала к ней даже под дождем. А что, если она узнала меня и ждала от меня помощи? От этой мысли становится жутко; но ведь если так, то почему она не помигала фарами или не пошла ко мне сама? Потом приходит еще более чудовищная догадка: а что, если убийца уже был там, и Джейн специально не остановила меня, чтобы уберечь?

* * *

– Что случилось, Кэсс? – спрашивает вернувшийся из зала Мэттью при виде моего мертвенно-бледного лица.

Я не могу успокоиться, и слезы ручьем текут из глаз.

– Знаешь, кто эта женщина, которую убили? Это Джейн!

– Какая Джейн?

– С которой мы обедали в Браубери две недели назад! С которой я познакомилась на вечеринке на работе у Рэйчел!

– *Что?* Ты уверена? – потрясенно спрашивает он.

– Да. Рэйчел позвонила и сказала, что это кто-то с ее работы. Я спросила имя, она сказала – Джейн Уолтерс. Сьюзи отменила вечеринку, она тоже знала Джейн.

– Ох, Кэсс, мне так жаль. – Мэттью обвивает меня руками и крепко прижимает к себе. – Тебе сейчас, должно быть, очень тяжело.

– Не могу поверить, что это она. Это просто невозможно. Может, это ошибка? Может, это другая Джейн Уолтерс?

Я чувствую, что он колеблется.

– Ее фотографию опубликовали, – произносит он после паузы. – Я смотрел новости с телефона. Не знаю, может... – Он замолкает.

Я мотаю головой: не хочу смотреть; не хочу признавать правду, если на фото действительно Джейн. Но так я, по крайней мере, буду это знать.

– Покажи мне, – дрожащим голосом прошу я.

Мэттью размыкает объятия, и мы поднимаемся наверх, чтобы он вышел в интернет с телефона. Пока он ищет последние новости, я закрываю глаза и отчаянно молюсь: *«Господи, пожалуйста, пусть это будет не она!»*

– Нашел, – тихо произносит Мэттью.

Мое сердце замирает от страха. Я открываю глаза и вижу фотографию женщины. Светлые волосы немного короче, и глаза как будто не такие голубые... но это Джейн. Абсолютно точно.

– Это она, – шепчу я. – Это она. Но кто мог с ней такое сделать? Кто способен на такое зверство?

– Только полный псих, – мрачно отзывается Мэттью.

Отвернувшись от экрана, я прячу лицо у него на груди. Только бы не разрыдаться снова, иначе он удивится, почему я так убиваюсь из-за малознакомой женщины.

– И он все еще на свободе, – говорю я, ощутив новую волну страха. – Нам нужна сигнализация.

– Почему бы тебе не позвонить завтра в пару фирм? Пусть приедут, составят смету. Только ничего не подписывай, пока мы все тщательно не проверим. Ты ведь знаешь, они так и норовят навязать что-нибудь ненужное.

Я соглашаюсь. Остаток дня я провожу в унынии. Все мои мысли только о Джейн – я думаю о том, как она сидит в машине и ждет, что я ее спасу. «Прости меня, Джейн, – шепчу я. – Я очень, *очень* перед тобой виновата».

24 июля, пятница

Не могу перестать думать о Джейн. Прошла неделя после убийства, и еще не было ни дня, чтобы мысли о ней отошли на второй план. Чувство вины не притупилось – только усилилось. Беда еще и в том, что об убийстве по-прежнему говорят во всех новостях; пресса неустанно строит догадки, почему Джейн остановилась на безлюдной дороге в самую непогоду. Машину проверили, и она оказалась исправна, но, поскольку это старая модель с плохо работающими дворниками, возникла версия, что Джейн, вероятно, решила переждать грозу, опасаясь ехать дальше из-за плохой видимости.

Постепенно начинала вырисовываться картина произошедшего. Незадолго до одиннадцати вечера Джейн оставила мужу голосовое сообщение – сказала, что выезжает из бара в Касл-Уэллсе, где ее подруга устраивала девичник, и скоро будет дома. По словам сотрудников ресторана, Джейн ушла вместе со всеми, но через пять минут вернулась позвонить от них, потому что забыла дома мобильный. Ее муж спал и не услышал звонок; о том, что Джейн не вернулась домой, он узнал, лишь когда полиция приехала и сообщила ему страшную новость. Три свидетеля, проезжавшие в пятницу вечером по Блэкуотер-Лейн, заявили, что не видели там машину Джейн. В итоге полиции удалось определить примерное время совершения убийства: с одиннадцати двадцати (поскольку от Касл-Уэллса до места преступления около пятнадцати минут езды) до двенадцати пятидесяти пяти, когда Джейн обнаружил проезжий мотоциклист.

Слабый голос у меня в голове уговаривает связаться с полицией и сообщить, что Джейн была еще жива, когда я проезжала мимо около половины двенадцатого. Но другой голос звучит куда громче: меня будут презирать за то, что я не попыталась помочь Джейн. К тому же эти десять минут вряд ли сильно помогут следствию. По крайней мере, так говорит голос.

Днем приезжает человек из «Охранных систем плюс», чтобы составить смету на сигнализацию. Он сразу начинает меня раздражать: мало того что явился на двадцать минут раньше, так еще и допытывается, дома ли мой муж.

– Нет, его нет, – отвечаю я, стараясь не смотреть на хлопья перхоти, рассыпанные по плечам его темного пиджака. – Но я думаю, что как-нибудь сумею вас понять, если вы объясните, какая система нужна для защиты дома. Только говорите помедленней.

Мой сарказм остается незамеченным. Мужчина входит в дом, не дожидаясь приглашения.

– Вы часто остаетесь дома одна?

– Нет, не очень. – От этого вопроса мне становится неуютно. – Муж, кстати, скоро вернется.

– Ну что ж... Я бы сказал, со стороны ваш дом выглядит лакомым куском для грабителей. На самой окраине, в конце улицы. Вам нужны датчики на окна, двери, в гараж, в сад, – он оглядывает холл, – и на лестницу тоже. Вы же не хотите, чтобы кто-то прокрался к вам в спальню посреди ночи? Если вы не против, я осмотрю дом.

Развернувшись на каблуках, он устремляется вверх по лестнице, перешагивая через ступеньку. Я иду следом и успеваю заметить, как он наскоро осматривает окно на лестничной площадке, а затем исчезает в спальне. Жду в коридоре, ощущая нарастающее беспокойство оттого, что он там один. Я ведь даже не попросила его показать документы! Ужасная беспечность – впустить в дом неизвестно кого! Разве я забыла, что произошло с Джейн? Этот человек ведь даже не сказал, что он из охранных систем; я сама так решила, хотя он пришел раньше назначенного времени. Он может быть кем угодно.

Эта мысль прочно засела у меня в голове, и тревога от присутствия в доме постороннего почти перерастает в панику. Сердце на мгновение замирает, а затем бешено ускоряется,

будто участвуя в гонке. Меня бьет дрожь, ноги становятся ватными. Не выпуская из виду дверь спальни, я крадусь в гостевую комнату и звоню Мэттью с мобильного. Счастье, что здесь есть сигнал! Мэттью не берет трубку, но через минуту от него приходит сообщение:

Извини, я на встрече. Все в порядке?

Негнушима пальцами набираю ответ:

Тип из охранных систем подозрительный.

Тогда выгони его.

Я выхожу из комнаты и на пороге сталкиваюсь с «типом». Вскрикнув от неожиданности, отпрыгиваю назад. Открываю рот, чтобы сказать, что передумала насчет сигнализации, но он меня опережает.

– Нужно еще проверить эту комнату и ванную. Потом осмотрю все внизу, – заявляет он, протискиваясь мимо меня.

Не дожидаясь его, торопливо сбегая вниз и застываю у входной двери. Это глупо, убеждаю я себя; нет никакого повода для паники. И все же, когда он спускается, я не двигаюсь с места, предоставив ему самому заканчивать осмотр. Он возвращается через долгих десять минут.

– Так, ладно. Где мы можем присесть? – спрашивает он.

– Это совсем не обязательно, – отнекиваюсь я. – Я еще не уверена, нужна ли нам вообще сигнализация.

– Знаете, не хотелось бы поднимать эту тему, но после убийства женщины тут неподалеку... Я бы сказал, вы совершаете ошибку. Не забывайте, что убийца еще на свободе.

То, что этот человек, которого я впервые вижу, говорит о смерти Джейн, окончательно меня добивает. Я не хочу, не хочу, чтобы он здесь находился!

– Дадите мне свои контакты? Телефон вашей фирмы, например.

– Конечно. – Он сует руку во внутренний карман, и я невольно отступаю назад, готовясь к тому, что сейчас он вытащит нож. Но он вооружается всего лишь визиткой.

Беру визитку и быстро ее изучаю. Имя: Эдвард Гарви. Похож он на Эдварда? Подозрение вызывает буквально все.

– Спасибо. Знаете, было бы неплохо, если бы вы зашли еще раз, когда муж будет дома.

– Думаю, это возможно. Но пока не знаю, когда смогу. Нехорошо, конечно, так говорить, но после убийства дела у нас пошли в гору – понимаете, о чем я? Уделите мне еще десять минут, и я быстренько все вам обрисую. Сможете пересказать мужу, когда он вернется.

Он устремляется в кухню и, задержавшись в дверях, жестом приглашает меня войти. Я хочу напомнить ему, что это мой дом, но вместо этого послушно следую за ним. Вот, значит, как это происходит... Значит, люди сами покорно движутся навстречу опасности, позволяя вести себя, точно овец на бойню? За столом он садится не напротив, а рядом, как бы загоняя меня в угол, отчего моя тревога нарастает. Затем он открывает брошюру и что-то рассказывает, но мои нервы уже на пределе, и я не в силах воспринимать его слова. Киваю в нужные моменты, изображаю интерес к подсчетам, а по спине у меня течет струйка пота. Я хочу вскочить и закричать, чтобы он убирался, и только воспитание не позволяет мне это сделать. Не вежливость ли помешала Джейн сразу поднять стекло и дать по газам, когда она поняла, что не хочет подвозить убийцу?

– Ну вот, примерно так, – вдруг заключает он, застав меня врасплох. Я озадаченно гляжу, как он убирает в портфель бумаги и протягивает мне брошюру. – Вечером покажете это мужу. Даю слово, он будет впечатлен.

Я закрываю за ним дверь и могу наконец выдохнуть. Но я опять совершила глупость: впустила в дом незнакомца, даже не спросив документы, – а ведь в двух шагах от нас только

что убили женщину! У меня точно с головой не все в порядке. Внезапно чувствую озноб и бегу наверх за джемпером. Окно в спальне почему-то открыто. Гляжу на него, не понимая, что это могло бы значить. И значит ли это что-нибудь вообще? *Не сходи с ума*, строго говорю я себе, хватая с кресла джемпер и накидывая его на плечи. *Даже если этот тип и открыл его (а он, скорее всего, открыл, чтобы посмотреть, где можно разместить датчики), это вовсе не значит, что он собирается вернуться и убить тебя!*

Закрываю окно и спускаюсь по лестнице. Внизу звонит телефон. Я решаю, что это, должно быть, Мэттью, но из трубки доносится голос Рэйчел:

– Не хочешь ли встретиться и выпить чего-нибудь?

– Да, давай! – с энтузиазмом отзываюсь я, радуясь поводу вырваться из дома. – У тебя все в порядке? – спрашиваю на всякий случай, не уловив в ее голосе обычной игривости.

– Да, просто ужасно хочу вина. В шесть тебе удобно? Могу приехать в Браубери.

– Отлично. Давай тогда в «Зеленом винограде».

– Договорились. До встречи!

Возвращаюсь в кухню. Брошюра о сигнализациях так и лежит на столе. Убираю ее в сторону; покажу Мэттью после ужина. Уже почти половина шестого – значит, с типом из охранных систем я общалась гораздо дольше, чем мне казалось. Хватаю ключи от машины и спешно выхожу.

В городе многолюдно. Я почти бегу к винному бару и вдруг слышу, что меня окликают; поднимаю глаза и вижу, как сквозь толпу ко мне пробивается моя подруга Ханна. Она жена Энди, с которым Мэттью играет в теннис. Познакомились мы недавно, но она очень милая и забавная, и мне даже немного жаль, что я не знала ее раньше.

– Сто лет тебя не видела! – восклицает она.

– Да уж, словно в другой жизни было! Я спешу на встречу с Рэйчел, а то бы предложила тебе пропустить по бокальчику. Но вы обязательно должны приехать к нам на барбекю, пока еще лето!

– С удовольствием, – улыбается она. – Энди вчера говорил, что давно не видел Мэттью в клубе... Кошмар какой с этим убийством, да? – продолжает она, помолчав.

Мысль о Джейн вновь накрывает меня черной тучей.

– Да, ужас.

Ханна передергивает плечами:

– И полиция еще не нашла виновного. Как думаешь, убитая его знала? Говорят, большинство убийств совершают знакомые жертв.

– Правда? – Я знаю, надо бы рассказать Ханне, что я была знакома с Джейн и даже обедала с ней за пару недель до убийства, но не могу: не хочу никаких расспросов о Джейн и о том, какой она была. От этого я снова чувствую себя предательницей.

– А может, это кто-то посторонний был, – продолжает она. – Правда, Энди считает, что убийца из местных, из тех, кто хорошо знает окрестности. Говорит, он сейчас залег на дно, но все еще где-то тут, поблизости, и наверняка будут новые убийства. Жутко, правда?

При мысли об убийце, скрывающемся где-то рядом, меня бросает в дрожь. Слова Ханны эхом отдаются у меня в голове. Ноги подкашиваются; Ханна продолжает говорить, но я уже не в силах ее слушать. Только вставляю какие-то междометия в нужные (как мне кажется) моменты.

– Ой, Ханна, извини. – Я гляжу на часы. – Уже столько времени! Мне надо бежать.

– Конечно, конечно. Передай Мэттью, что Энди с нетерпением ждет встречи!

– Хорошо.

* * *

«Зеленый виноград» набит под завязку. Рэйчел уже на месте, перед ней на столике бутылка вина.

– Ты рано! – говорю я, обнимая ее.

– Да нет, это ты припозднилась, но не страшно, – отвечает она, наливая вино, и протягивает мне бокал.

– Прости, я случайно встретила Ханну, и мы заболтались. Думаю, целого бокала мне многовато будет, я же за рулем. – Тут я киваю на бутылку: – А ты, похоже, нет.

– Ко мне попозже присоединятся коллеги, мы договорились перекусить. Вот вместе ее и прикончим.

Я делаю глоток, смакуя терпкий вкус вина.

– Ну, как ты?

– Если честно, не очень. У нас на работе полиция торчала несколько дней, расспрашивали всех про Джейн. Сегодня меня вызывали.

– Тогда понятно, почему тебе так захотелось выпить! – сочувствую я. – О чем тебя спрашивали?

– Была ли я с ней знакома. И я ответила, что нет, потому что это правда. – Она водит пальцами по ножке бокала. – Вот только я не сказала им, что ругалась с ней из-за места на парковке. И теперь не знаю, правильно ли я поступила.

– А почему не сказала?

– Не знаю... Хотя нет, знаю. Наверно, потому, что это выглядело бы так, как будто у меня был мотив.

– Какой мотив?

Рэйчел пожимает плечами.

– Для убийства, что ли? Рэйчел, из-за парковочных мест людей не убивают!

– Думаю, убивают и за менее серьезные вещи, – сухо отвечает она. – Сейчас меня больше всего беспокоит, что кто-то другой расскажет полиции о нашей стычке. Наверняка она говорила об этом кому-нибудь из коллег.

– Вряд ли кто-то расскажет. Но если ты так волнуешься, почему бы тебе не позвонить в полицию и не сказать самой?

– Они заинтересуются, почему я не упомянула об этом сразу. Еще начнут меня подозревать!

– Ты слишком себя накручиваешь, – качаю я головой и пытаюсь изобразить ободряющую улыбку. – Я думаю, это убийство всех выбило из колеи. Ко мне сегодня приходил мужчина насчет сигнализации, прикинуть стоимость, и я почувствовала себя такой незащищенной с ним наедине!

– Да уж, могу представить. Скорей бы уже нашли виновного. Представь, каково мужу Джейн знать, что убийца его жены разгуливает на свободе! Он, кажется, взял отпуск по уходу за детьми... – Рэйчел берет бутылку и наполняет свой бокал. – Ну а ты как? Держишься?

– Да так... – пожимаю я плечами; не хочу сейчас думать еще и о детях, оставшихся без матери. – Тяжело, потому что Джейн не выходит у меня из головы. Представляешь, – продолжаю я с нервным смешком, – я даже почти жалею, что мы с ней как-то вместе обедали.

– Да, понимаю, – сочувствует она. – А ты заказала сигнализацию?

Я чувствую, как на мои плечи ложится невидимый груз.

– Вообще-то я хочу, но Мэттью, кажется, не в восторге от этой идеи. Он всегда говорил, что с ней будет чувствовать себя пленником в собственном доме.

– Но это лучше, чем быть убитым в собственном доме, – мрачно возражает она.

– Рэйчел!

– Но это правда!

– Давай уже сменим тему, – предлагаю я. – Собираешься еще куда-нибудь в командировку?

– До отпуска точно нет. Еще две недели домучиться – и в Сиену! Скорей бы уже.

– Не могу поверить, что ты променяла Иль-де-Ре на Сиену, – подтруниваю я: Рэйчел всегда говорила, что отдыхать будет только на Иль-де-Ре.

– Напомню тебе, что я еду туда только потому, что моя подруга Анджела пригласила меня пожить у нее на вилле. Пусть даже все это из-за того, что она хочет свести меня со своим деверем Альфи. – Она закатывает глаза, потом отпивает еще вина. – Кстати об Иль-де-Ре: я подумываю отпраздновать там свое сорокалетие. И чтобы только девочки! Поедешь?

– Конечно, с удовольствием!

Я воодушевляюсь мыслью о поездке, тем более что лучшего места для вручения моего подарка просто не придумать. Даже мысли о Джейн ненадолго отступают. Рэйчел принимается рассказывать, что она хочет посмотреть в Сиене, и весь следующий час мы успешно избегаем неприятных тем – убийства и сигнализации. И все же домой я возвращаюсь совершенно опустошенной.

– Ну как, хорошо посидели с Рэйчел? – спрашивает Мэттью, приподнимаясь из-за кухонного стола, чтобы меня поцеловать.

– Да. – Я скидываю туфли. Плитки пола приятно холодят ступни. – И еще я встретила Ханну по дороге. Рада была ее увидеть.

– Мы с ней и Энди сто лет не виделись, – задумчиво тянет он. – Как у них дела?

– Хорошо. Я сказала, что они должны приехать к нам на барбекю.

– Отличная мысль. А как все прошло с человеком из охранных систем? Удалось от него избавиться?

Я достаю из буфета две чашки и включаю чайник.

– Ну, в конце концов он ушел. Оставил брошюру, чтобы ты посмотрел. А у тебя как день прошел? Все хорошо?

Он отодвигает стул и встает, потягиваясь и разминая плечи.

– Замотался. А еще и ехать на следующей неделе... – Подойдя ближе, он целует меня в шею. – Я буду скучать.

– То есть? – Я выскальзываю из его объятий. – Куда ехать?

– Ну как куда, на буровую, ты же знаешь.

– Нет, не знаю. Ты ничего об этом не говорил!

– Как не говорил? Говорил. – Он смотрит на меня с изумлением.

– Когда?

– Наверно, недели две назад, как только сам узнал.

Я упрямо мотаю головой:

– Не говорил. Иначе бы я запомнила.

– Ты же сама тогда сказала, что поработаешь над учебным планом на сентябрь, пока меня не будет, а после моего возвращения мы сможем вместе отдохнуть.

Я начинаю сомневаться:

– Не могла я такого сказать!

– Но ведь сказала же.

– Нет, не говорила! – отрезаю я. – И не пытайся внушить мне, что ты говорил о командировке, если этого не было!

Чувствуя на себе его взгляд, я отворачиваюсь заварить чай. Не хочу, чтобы он видел, как я расстроена. И не только из-за его отъезда.

25 июля, суббота

Мои биологические часы еще не перестроились на отпускной режим. Хотя у меня и каникулы, я с самого утра на ногах: выдергиваю сорняки и привожу в порядок клумбы. Прерываюсь, лишь когда Мэттью возвращается из магазина со свежим хлебом и сыром к ланчу. Мы завтракаем прямо на лужайке, а потом я кошу траву, подметаю террасу, протираю стол и стулья и срезаю увядшие цветы в кашпо, стараясь придать саду идеальный вид. Не то чтобы я всегда любила возиться в саду, но именно сейчас испытываю острую потребность довести все до совершенства.

Ближе к вечеру в сад выходит Мэттью:

– Ты не возражаешь, если я схожу в зал на часок? Если позанимаюсь сегодня, то завтра утром можно будет подольше поваляться.

– И позавтракать в постели, – улыбаюсь я.

– Точно! – Он целует меня на прощание. – К семи вернусь.

Мэттью уходит, и я начинаю готовить карри. Дверь в сад оставляю открытой – пусть будет больше свежего воздуха. Нарезаю лук и курицу, подпевая включенному радио. Обнаруживаю в холодильнике недопитую бутылку вина, которую мы открыли дня два назад. Наливаю остатки в бокал и потихоньку потягиваю вино, пока тушится карри. Когда заканчиваю готовить, смотрю на часы: уже почти шесть. Я решаю принять ванну с пеной; чувствую себя настолько расслабленной, что едва припоминаю, как на прошлой неделе не могла избавиться от тревоги. Сегодня мне впервые удалось отодвинуть мысли о Джейн на второй план. Я не хочу совсем забывать о ней – просто не могу постоянно испытывать чувство вины. Я не могу повернуть время вспять, как бы мне этого ни хотелось. Не могу перестать жить из-за того, что не узнала Джейн в машине той ночью.

Начинаются новости, а я не успела уйти наверх. Поспешно выключаю радио, и без его бормотания дом наполняется зловещей тишиной. Внезапно – возможно, потому, что как раз думала о Джейн, – я осознаю, что осталась дома одна. Иду в гостиную и закрываю окна, которые были открыты весь день, потом окно в кабинете и, наконец, запираю парадную и заднюю двери. Замираю на секунду, прислушиваясь к звукам в доме. Тишина; только где-то на улице воркует вяхирь.

Наверху, наполнив ванну, я вдруг задумываюсь, не запереть ли дверь. Вот спасибо типу из охранных систем – дергаюсь теперь из-за него! Специально не буду запираить! Оставляю дверь приоткрытой, как обычно, но раздеваюсь лицом к ней. Потом залезаю в ванну и погружаюсь в воду. Вокруг шеи тихонько шуршат пузыри; я откидываюсь назад, на пенистую подушку, и закрываю глаза, наслаждаясь вечерней тишиной. От соседей обычно не доносится никаких звуков; прошлым летом подростки из ближайшего дома пришли предупредить, что устраивают вечеринку, и заранее извиниться за шум, но мы так ничего и не услышали. Потому мы и выбрали этот дом, а не тот, что был побольше, поэффектнее и подороже. Хотя, думаю, для Мэттью цена тоже кое-что значила. Мы договорились поделить расходы, и он настаивал, что я не должна вкладывать в покупку больше, чем он. А я ведь вполне могла себе это позволить, несмотря на то что шестью месяцами ранее купила дом на Иль-де-Ре. Дом, о котором никто пока не знает, даже Мэттью. И уж тем более Рэйчел. Еще не время.

Я задумчиво вожу руками по воде с шапкой пены, размышляя о дне рождения Рэйчел. Наконец-то можно будет вручить ей ключи от дома ее мечты. Как же трудно хранить секрет столько времени! И как хорошо, что она решила отметить юбилей на Иль-де-Ре! Рэйчел возила меня на этот остров месяца через два после смерти мамы. За пару дней до возвращения домой мы наткнулись там на небольшой рыбацкий домик с вывеской «Продается» в окне второго

этажа. «Какая красота! – прошептала Рэйчел. – Хочу его посмотреть!» И, даже не задумавшись о том, чтобы связаться с риелтором, она зашагала по подъездной дорожке и постучала в дверь.

Владелец показал нам дом, и было видно, что Рэйчел прикипела к нему всей душой, хотя и не имела возможности купить. Для нее он был несбыточной мечтой, но я могла превратить эту мечту в реальность – и тайком от нее все устроила. Закрываю глаза и представляю лицо Рэйчел, когда она узнает, что коттедж принадлежит ей. Я уверена, папа с мамой одобрили бы мой подарок. Если бы папа успел составить завещание, он бы точно упомянул в нем Рэйчел. И если бы мама оставалась в здравом уме, она бы тоже о Рэйчел не забыла.

Мои размышления прерывает какой-то резкий звук, будто что-то треснуло. Я тут же открываю глаза, сжимаясь всем телом. Я чувствую, знаю: что-то не так. Стараюсь не шевелиться и изо всех сил напрягаю слух. Если звук повторится, значит, в доме кто-то есть. Вспоминаю слова Ханны о том, что убийца залег на дно где-то неподалеку. И я жду, затаив дыхание, пока от нехватки воздуха не начинают болеть легкие. Тишина.

Медленно и осторожно, стараясь не всколыхнуть воду, я поднимаю руку. Сквозь толщу пены тянусь к мобильнику, неосторожно оставленному на бортике ванны рядом с краном. Он слишком далеко, поэтому я слегка сдвигаюсь в его сторону – и вода плещется о бортик ванны едва ли не громче океанского прибоя. Я себя выдала! С ужасом понимая, что я еще и не одета, выпрыгиваю из ванны, выплеснув заодно половину воды, бросаюсь к двери и резко ее захлопываю. Звук разносится по всему дому, и, пока я дрожащими пальцами задвигаю щеколду, снова слышу какой-то треск. В нарастающей панике я никак не могу сообразить, откуда он доносится.

Не спуская глаз с двери, я отступаю назад и нащупываю на краю ванны телефон, но он выскальзывает у меня из пальцев и шлепается на пол. Замираю на месте с вытянутой рукой и прислушиваюсь. Ничего. Медленно сгибаю колени и дотягиваюсь до мобильного. На экране высвечивается время – без десяти семь. Уфф, Мэттью уже скоро вернется! Я шумно выдыхаю, забыв о том, что старалась не издавать никаких звуков.

Набираю его номер. Только бы связь не подвела – в этой части дома она очень неустойчивая. Раздаются гудки, и от радости голова у меня идет кругом.

– Я уже близко, – весело отзывается Мэттью, думая, что я звоню узнать, скоро ли он будет. – Нужно что-нибудь купить по дороге?

– Кажется, в доме кто-то есть, – прерывисто шепчу я.

– Что?! А ты где? – Его голос звучит строго и вместе с тем тревожно.

– В ванной. Я заперлась.

– Хорошо, не выходи оттуда. Я позвоню в полицию.

– Подожди! – Я уже начинаю сомневаться. – Я точно не знаю. Может, тут и нет никого. Просто я два раза слышала какой-то звук.

– Что ты слышала? Как кто-то ломился в дом? Голоса?

– Нет, нет... Сначала треск, а потом какой-то скрип.

– Ладно, сиди там, я буду через две минуты.

– Хорошо. Скорее!

Немного успокоившись оттого, что Мэттью вот-вот будет дома, я сажусь на край ванны. Эмаль холодит кожу, и, заметив, что все еще не одета, я снимаю с крючка халат и накидываю на плечи. Почему я не захотела, чтобы Мэттью вызвал полицию? Опасно заходить в дом, если здесь и правда кто-то есть.

Звонит мобильник.

– Я приехал, – говорит Мэттью. – Ты как?

– Хорошо.

– Я припарковался на дороге. Пойду осмотрю дом снаружи.

– Только осторожно! И не клади трубку!

– Ладно.

Я тревожно вслушиваюсь в его шаги; скрипя гравием, он проходит по подъездной дорожке и заворачивает за угол дома.

– Видишь что-нибудь? – спрашиваю я.

– Ничего подозрительного. Теперь сад проверю, – отвечает он и на минуту замолкает. – Все в порядке. Я захожу.

– Осторожно! – торопливо предостерегаю я, пока не пропал сигнал.

– Не волнуйся, я взял в сарае лопату.

Связь обрывается. Я слышу, как Мэттью обходит комнаты внизу. Потом он поднимается по лестнице, и я начинаю отодвигать щеколду. Видимо, услышав это, Мэттью кричит:

– Подожди, я еще спальни посмотрю!

Вскоре он возвращается.

– Теперь можешь выходить.

Я открываю дверь и при виде Мэттью с лопатой в руках чувствую себя идиоткой.

– Извини, – смущенно оправдываюсь я. – Мне действительно показалось, что здесь кто-то есть.

Опустив лопату, Мэттью обхватывает меня руками.

– Ничего, всегда лучше перестраховаться.

– Может, смешаешь мне какой-нибудь джин-тоник? Мне сейчас нужно что-то покрепче. Я только оденусь.

– Джин-тоник будет ждать в саду, – отзывается Мэттью и, разомкнув объятия, идет к лестнице.

Я натягиваю джинсы и футболку и спускаюсь вниз. Мэттью еще на кухне, нарезает лайм.

– Вот это скорость! – удивляется он.

Но мой взгляд падает на окно, и я замираю, не реагируя на его слова.

– Это ты открыл окно? – спрашиваю я.

– Какое? – Он оборачивается. – Нет, так и было, когда я пришел.

– Но я его закрывала, – хмурюсь я. – Перед тем как пойти в ванную, я закрыла все окна.

– Уверена?

– Уверена! – Я напрягаю память: точно помню, как закрывала окна в гостиной и в кабинете, а вот это окно вспомнить не могу. – Во всяком случае, я думала, что закрыла.

– Может, плохо закрыла, и оно распахнулось. Может, отсюда и звук.

– Да, возможно, – соглашаюсь я с облегчением. – Ладно, давай пить тогда.

* * *

После ужина мы перемещаемся в гостиную, захватив с собой начатую бутылку вина и намереваясь прикончить ее под какой-нибудь фильм. Правда, сложно найти что-то, что мы еще не смотрели.

– Как насчет «Джуно»? – спрашивает Мэттью, просматривая список. – Знаешь, о чем это?

– Это про беременную девочку-подростка, которая ищет подходящую семейную пару, чтобы отдать ей своего ребенка. Ты вряд ли захочешь такое смотреть.

– Ну, даже не знаю. – Забрав у меня пульт, Мэттью откладывает его в сторону и тянется меня обнять. – А мы с тобой, кстати, давно не говорили о ребенке. Ты, случайно, не передумала?

Я кладу голову ему на плечо, наслаждаясь чувством защищенности.

– Конечно нет.

– Тогда, наверно, стоит уже потихоньку начинать действовать. Думаю, это довольно долгий процесс.

– Мы же договорились обсудить это через год после свадьбы, – напоминаю я. Хотя я и рада, что он завел этот разговор, все же пытаюсь оттянуть время: как можно думать о ребенке, когда меня может постичь мамина участь? Что, если еще до его совершеннолетия у меня диагностируют деменцию? Может, я и зря волнуюсь, но разве можно закрывать глаза на мои проблемы с памятью?

– Как хорошо, что наша годовщина уже совсем скоро, – мурлычет он. – А может, боевик посмотрим?

– Давай. Что у нас там есть?

Мы смотрим какой-то фильм, потом переключаемся на новости. Убийство Джейн – по-прежнему главная тема, и я смотрю только для того, чтобы узнать, продвинулись ли поиски убийцы. Однако следствие топчется на месте. На экране появляется полицейский:

«Если вы или кто-то из ваших знакомых в ночь с пятницы на субботу были в районе Блэкуотер-Лейн и видели автомобиль Джейн Уолтерс, вишневого «рено клио», припаркованным или едущим, убедительно просим вас позвонить по следующему номеру».

Произнося это, он как будто смотрит мне прямо в глаза. Потом добавляет, что звонить можно анонимно, и я понимаю: моя дилемма наконец разрешилась.

Новости заканчиваются, и Мэттью, собираясь спать, пытается поднять меня с дивана.

– Ложись пока без меня, а я еще по другому каналу кое-что посмотрю, – говорю я, потянувшись за пультом.

– Ладно, – беззаботно отзывается он. – Буду ждать тебя наверху.

Дождавшись, пока он уйдет, я перематываю новости назад – до того момента, где сообщали номер телефона, и записываю этот номер на листке бумаги. Не хочу, чтобы мой звонок отследили, так что нужно будет звонить из автомата; придется подождать до понедельника, когда Мэттью уедет. Надеюсь, после этого я уже не буду чувствовать себя такой виноватой.

26 июля, воскресенье

Звонит домашний телефон. Мэттью на кухне готовит нам завтрак в постель, и я, поуютней закутываясь в одеяло, кричу ему из спальни:

– Ты возьмешь трубку? Если это меня, скажи, что я потом перезвоню.

Мгновение спустя я слышу, что Мэттью спрашивает у Энди, как дела. Похоже, Ханна рассказала ему о нашей случайной встрече. Чувствую некоторую неловкость: ведь я тогда так резко оборвала разговор, торопясь к Рэйчел. Мэттью появляется в дверях спальни, и я интересуюсь:

– Энди зовет тебя играть в теннис? Я угадала?

– Нет, он звонил уточнить, к которому часу мы их ждем, – отвечает он, озадаченно глядя на меня. – А я и не знал, что ты на сегодня их пригласила.

– О чем ты?

– Ну ты же не говорила, что они придут на барбекю сегодня.

– А они и не должны прийти сегодня. – Я сажусь в постели и, позаимствовав у Мэттью подушку, подкладываю ее под спину. – Я сказала Ханне, что они должны к нам заглянуть, но не говорила когда.

– Но Энди, похоже, уверен, что сегодня.

– Он просто решил пошутить, – улыбаюсь я.

– Да нет, он абсолютно серьезен... Ты уверена, что не приглашала их на сегодня?

– Разумеется, уверена!

– Просто ты как раз вчера весь день возилась в саду...

– При чем тут сад?

– Ну, Энди спрашивал, успела ли ты там навести порядок. Похоже, ты сказала Ханне, что если они придут на барбекю, то у тебя будет стимул прибраться в саду.

– Тогда почему они не знают, во сколько приходить? Если бы я договорилась с Ханной, то назвала бы ей какое-то время. Так что это она ошиблась, а не я.

Мэттью едва заметно качает головой:

– Я не признался, что впервые слышу об их визите, и сказал, чтобы приходили к половине первого.

Я гляжу на него в полном смятении:

– То есть они к нам все-таки едут? Вместе с детьми?

– Боюсь, что да.

– Но я их не приглашала! Ты можешь позвонить Энди и сказать, что это ошибка?

– Ну, наверно, могу... – тянет Мэттью и, помедлив, прибавляет: – Если ты точно уверена, что не звала их на сегодня.

Я напряженно смотрю на него, стараясь скрыть внезапное сомнение. Совершенно не помню, чтобы звала их именно на сегодня, однако в памяти всплывают сказанные на прощание слова Ханны о том, что Энди будет с нетерпением ждать встречи с Мэттью. Мое сердце сжимается. Я чувствую внимательный взгляд Мэттью.

– Да ладно, не переживай, ничего страшного, – говорит он. – Я могу сбежать за мясом для барбекю. И сосисок для детей прихватить.

– Надо будет еще салаты приготовить... – Я чуть не плачу: не хочу их видеть! Не сейчас, когда все мои мысли только о Джейн! – А что же на десерт?

– Возьму мороженого в фермерском магазине – там же, где и мясо. И еще Энди сказал, что Ханна принесет торт: у него завтра, кажется, день рождения. Так что нам хватит.

– А сколько сейчас времени?

– Десять, начало одиннадцатого. Прими тогда душ, пока я готовлю завтрак. Увы, сегодня поесть в постели не получилось.

– Не страшно! – отвечаю я, стараясь скрыть свою подавленность.

– Потом сгоняю в магазин, а ты тут салатов настрогаешь.

– Спасибо, – благодарно бормочу я. – Извини, что так вышло.

– Ну что ты! – Его руки обвивают меня. – Тебе совершенно не за что извиняться. Я же знаю, как ты устала.

Я рада возможности ухватиться за это оправдание, но ведь это ненадолго. Как скоро Мэттью начнет задавать мне вопросы? Учитывая, что я забыла о его завтрашней командировке, сегодняшняя накладка с барбекю – это уже слишком. Отправляюсь в ванную, стараясь не слушать внутренний голос, твердящий, что я схожу с ума. Можно было бы свалить все на Ханну: мол, она так жаждала барбекю, что решила злоупотребить моим приглашением. Вот только на нее это совсем не похоже, и даже предполагать такое глупо. А как насчет моей вчерашней ударной работы в саду, маниакального стремления довести его до совершенства? Я ведь была абсолютно уверена, что это просто способ занять себя и отвлечься; а вдруг я на подсознательном уровне помнила о приглашении и ждала гостей?

Вообще, кажется, я догадалась, как было дело. Разговор о Джейн меня разволновал, и к концу нашей встречи я уже едва слушала Ханну; наверно, в какой-то момент я, будучи в прострации, пригласила их на сегодня.

С мамой такое случалось постоянно. Она слушала, кивала, высказывала свое мнение и даже что-то предлагала, а несколько минут спустя начисто забывала весь разговор. «Я, наверно, витала в облаках вместе с ангелами», – говорила она. Медсестра, которая к ней приходила, называла это эпизодической амнезией. Стало быть, и я тоже витала вместе с ангелами в облаках? Впервые в жизни ангелы кажутся мне исчадиями ада.

* * *

После половины первого приезжают Энди с Ханной, и, что вполне ожидаемо, очень скоро разговор заходит об убийстве Джейн.

– Слышали, полиция выступила с обращением по поводу убийства женщины? Просили людей звонить, – говорит Ханна, передавая Мэттью тарелку. – Как-то странно, что никто не откликнулся, да?

– Может, и странно, но я не думаю, что той дорогой по ночам много кто ездит, – отвечает Мэттью. – Тем более в грозу.

– Когда возвращаюсь из Касл-Уэллса, всегда по ней езжу, – весело отзывается Энди. – Что днем, что ночью, что в грозу.

– Вот как? А где ты был в прошлую пятницу вечером? – спрашивает Мэттью.

Все смеются, и мне хочется крикнуть, чтобы они заткнулись. Мэттью замечает выражение моего лица.

– Извини, – тихо произносит он и поворачивается к гостям: – Кэсс не говорила, что была знакома с Джейн?

Энди и Ханна смотрят на меня во все глаза.

– Не очень близко, – оправдываюсь я, проклиная Мэттью за болтливость. – Мы только раз пообедали вместе, и все. – Я стараюсь не видеть перед собой Джейн, укоризненно качающую головой: легко же я отреклась от нашей дружбы.

– О, Кэсс, мне очень жаль! – сокрушается Ханна. – Тебе, наверно, ужасно тяжело!

– Да, тяжело.

Повисает неловкое молчание. Никто толком не знает, что сказать.

– Ну, я не сомневаюсь, что виновного скоро поймут, – наконец произносит Энди. – Кто-то где-то должен что-то знать.

Я с трудом дожидаюсь конца вечера, но, едва Энди с Ханной уходят, мне хочется вернуть их. Хоть меня и утомила эта непрерывная болтовня, но теперь, в тишине, у меня появилось слишком много времени на болезненные размышления.

Я убираю со стола и несу тарелки в кухню. На пороге, взглянув на окно, по поводу которого накануне сомневалась, закрыла ли его перед приемом ванны, я застываю как вкопанная: вчера, когда я готовила карри, у меня была открыта задняя дверь – но не окно.

27 июля, понедельник

Когда Мэттью уезжает, на меня накатывает чувство одиночества. Но теперь, по крайней мере, можно сделать звонок, которого я так страшусь. Я нахожу листок с записанным номером, и, пока ищу сумку, звонит домашний телефон.

– Алло? – говорю я в трубку.

Ответа нет – наверно, связь оборвалась. Подождав еще секунд десять, я кладу трубку. Если это Мэттью, он перезвонит.

Бегу вверх за кошельком, затем обуваю первые попавшиеся туфли и выхожу из дома. Сначала я думала поехать в Браубери или Касл-Уэллс, но потом сочла этот план слишком сложным: есть же телефон-автомат в пяти минутах ходьбы, рядом с автобусной остановкой.

Приближаясь к телефонной будке, я чувствую на себе чей-то взгляд. Смотрю направо, налево, потом украдкой оглядываюсь назад. Никого – только какая-то кошка разлеглась на невысокой каменной ограде и греется на солнце. Мимо проезжает машина; женщина за рулем, видимо погрузившись в собственные мысли, даже не смотрит в мою сторону.

Я внимательно читаю инструкцию под телефоном (даже не помню, когда в последний раз таким пользовалась), нащупываю в кошельке монету и дрожащими пальцами проталкиваю в щель один фунт. Потом достаю листок с номером и под ускоряющиеся удары сердца набираю цифры. Я все еще сомневаюсь, правильно ли это, но отступить поздно: на том конце снимают трубку.

– Я звоню насчет Джейн Уолтерс, – прерывающимся голосом сообщаю я. – Я проезжала по Блэкуотер-Лейн в одиннадцать тридцать и видела ее машину, и она была жива.

– Спасибо за информацию, – отзывается спокойный женский голос. – Могу ли я... – Тут я бросаю трубку.

Я быстро выхожу из будки, и, пока шагаю по дороге к дому, меня преследует все то же неприятное чувство, будто за мной наблюдают. Дома я убеждаю себя успокоиться. Никто за мной не следил; это все из-за чувства вины оттого, что я решила сохранить анонимность. Следов наконец то, что нужно было сделать сразу, я испытываю облегчение.

В саду после моего субботника дел не осталось, зато накопилось много работы по дому. Включив для настроения радио и вооружившись моющими и полирующими средствами, я затаскиваю наверх пылесос и приступаю к уборке спальни. На какое-то время мне удается сосредоточиться на этом занятии и не думать о Джейн. Но в полдень начинаются новости.

«Полиция обращается к тому, кто сегодня звонил с информацией по поводу Джейн Уолтерс, и просит этого человека перезвонить. Джейн Уолтерс была найдена мертвой в своей машине семнадцатого июля...»

Я больше ничего не слышу – сердце бешено колотится в груди, заглушая все прочие звуки. Сажусь на кровать и, дрожа, стараюсь делать глубокие вдохи. Зачем полиции снова говорить со мной? Я уже сказала все, что знаю. Пытаюсь подавить нарастающую панику, но не в силах с ней совладать. Конечно, никто не знает, что звонила я, но теперь, когда полиция обнаружила этот факт, я больше не чувствую себя анонимом. Напротив, меня будто выставили напоказ. Они заявили, что им звонили с информацией по поводу убийства Джейн Уолтерс; звучит так, будто я сообщила что-то важное, существенное. Если убийца Джейн слушал новости, он должен был испугаться возможного свидетеля. Вдруг он решит, что я видела, как он крадется к машине Джейн? В смятении вскакиваю и начинаю метаться по комнате, пытаюсь понять, что делать. Проходя мимо окна, бросаю рассеянный взгляд на улицу и столбенею при виде совершенно незнакомого мужчины, проходящего мимо нашего дома. Казалось бы, что тут такого? Да ничего – кроме того, что он, очевидно, вышел из леса. Ничего особенного – кроме того, что мимо нашего дома почти никто не ходит. Ездят – да, но не ходят. Желаящие

погулять в лесу не пойдут пешком по Блэкуотер-Лейн, если только им не захочется попасть под колеса; а тропа, снабженная указателем, начинается на полянке напротив нашего дома. Я слежу за мужчиной, пока он не скрывается из виду. Он не спешит и не оглядывается, но моему трепыхающемуся сердцу от этого не легче.

* * *

Позже Мэттью звонит мне с буровой.

– Рэйчел сегодня у тебя остается? – спрашивает он.

Я не сказала ему про мужчину из леса. Рассказывать особо нечего. К тому же он может позвонить в полицию, и что я им скажу? *«Я видела, как мимо дома проходил мужчина. – Как он выглядел? – Среднего роста, среднего телосложения. Я видела его только со спины. – Где были вы? – В спальне. – Что он делал? – Ничего. – Значит, вы не заметили, чтобы он делал что-то подозрительное? – Нет. Но я думаю, что он разглядывал наш дом. – Вы думаете? – Да. – Но вы не видели, как он разглядывает ваш дом? – Нет».*

– Нет, решила ее не беспокоить, – отвечаю я.

– Это зря.

– Почему?

– Мне не хотелось бы, чтобы ты оставалась дома одна.

Его тревога только подогревает мою.

– Ну так сказал бы об этом раньше! – ворчу я.

– Ничего, все будет в порядке. Просто убедись, что все двери закрыты, когда пойдешь спать.

– Они уже закрыты. Скорей бы нам установили сигнализацию!

– Обещаю посмотреть ту брошюру, когда вернусь.

Повесив трубку, я набираю номер Рэйчел:

– Что делаешь сегодня вечером?

– Сплю. Я уже в постели.

– В девять вечера?

– Если бы ты провела выходные, как я, ты бы уже давно спать завалилась. Так что извини, если хочешь куда-то меня позвать, я пас.

– Вообще-то я хотела позвать тебя к себе, распить бутылочку вина.

На том конце провода слышится зевок.

– А ты что, одна дома?

– Да, Мэттью поехал с инспекцией на буровую. Его всю неделю не будет.

– Хм, а что, если я составлю тебе компанию в среду?

Сердце на миг замирает, и я делаю еще одну попытку:

– А может, завтра?

– Завтра я занята, извини.

– Тогда, значит, в среду.

Я не в силах скрыть досаду в голосе, и Рэйчел это замечает:

– У тебя там все хорошо?

– Да, нормально. Спокойной ночи.

– Увидимся в среду! – обещает она.

Я бреду в гостиную. Признайся я, что мне страшно одной дома, Рэйчел бы тут же примчалась! Включаю телевизор и смотрю какой-то незнакомый сериал. Потом, ощущая усталость, отправляюсь наверх, в постель, в надежде проспять до самого утра.

Но я не могу расслабиться. Слишком темно – и слишком тихо. Тянусь к выключателю и зажигаю свет; от этого сон окончательно пропадает. Надеваю наушники, чтобы послушать

музыку, и тут же снимаю их: так я не услышу, если кто-то будет красться по лестнице. Мысленно вижу перед собой два окна: окно спальни, которое я обнаружила открытым в пятницу, после ухода того типа из охранных систем, и окно кухни, оказавшееся открытым в субботу. А еще никак не могу выбросить из головы мужчину, которого видела утром перед домом. Когда с восходом солнца меня наконец-то начинает клонить в сон, я не пытаюсь сопротивляться и успокаиваю себя тем, что при свете дня меня, скорее всего, не убьют.

29 июля, среда

Я просыпаюсь оттого, что в холле звонит телефон. Гляжу в потолок и жду, когда трезвон прекратится. Вчера в полдевятого утра кто-то так же упорно названивал, а когда я взяла трубку, в ней была тишина. Смотрю на часы: почти девять. Может, это Мэттью решил позвонить перед работой? Выпрыгиваю из постели и бегу вниз по лестнице, успевая схватить трубку до включения автоответчика.

– Алло? – выдыхаю я. Ответа нет. Жду какое-то время: связь на буровой всегда плохая. – Мэттью?

На том конце провода тихо. Вешаю трубку и набираю номер Мэттью.

– Ты мне сейчас звонил? – спрашиваю я.

– Доброе утро, дорогая, – произносит он подчеркнуто выразительно, но в голосе слышится усмешка. – Как у тебя дела?

– Прости, начну с начала, – поспешно пытаюсь исправиться я. – Доброе утро, милый, как ты?

– Вот так уже лучше! Все хорошо. Холодно тут, правда.

– Это ты мне только что звонил?

– Нет.

– Хм... – хмрюсь я.

– А что такое?

– Телефон звонил, я взяла трубку, а там тишина. Я решила, что это ты, просто связь плохая.

– Да нет, я собирался позвонить тебе в обеденный перерыв. А сейчас мне уже пора бежать, любимая, давай позже поговорим.

Я вешаю трубку, недовольная тем, что меня разбудили и вытащили из постели. Надо бы ввести ответственность за холодные звонки в такую рань. За окном начинается день, и я понимаю, что не хочу снова ночевать в одиночестве. Вчера ночью я вставала в туалет и выглянула в окно, и на мгновение мне показалось, что на улице кто-то есть. На самом деле никого там, конечно, не было, но я уже не могла заснуть до самого рассвета.

В обед мне звонит Мэттью, и я жалуюсь, что почти не спала последние две ночи.

– Попробуй уехать куда-нибудь на пару дней, – советует он.

– А это мысль, – отвечаю я. – Может, в тот отель, куда я ездила два года назад, когда умерла мама? Там есть бассейн и спа. Только не уверена, что у них еще остались свободные номера.

– Так позвони и узнай. Если остались, езжай прямо сегодня. А я присоединюсь к тебе в пятницу.

Настроение тут же поднимается.

– Гениально! Ты у меня самый лучший муж на свете! – радуюсь я.

Набираю номер отеля и, пока идут гудки, снимаю со стены календарь – уточнить, сколько ночей бронировать. У меня выходит четыре (если мы останемся до воскресенья); и тут взгляд падает на слова «Мэттью на бур.» в квадратике с понедельником. Они выглядят как приговор. Я зажмуриваюсь в надежде, что слова исчезнут, но, когда открываю глаза, они по-прежнему там. Так же как и надпись «Мэттью возвр.» в квадратике с тридцать первым числом, пятницей; и смайлик там же. У меня замирает сердце, а в животе все снова сжимается, и, когда в отеле наконец берут трубку и сообщают, что свободен только люкс, я тут же бронирую его, даже не поинтересовавшись ценой.

Вешаю календарь обратно на стену и перелистываю на август – к нашему возвращению из отеля. А заодно – чтобы Мэттью не увидел, что был прав: он действительно предупреждал меня о командировке.

* * *

Лишь добравшись до отеля и заняв очередь к стойке регистрации, я начинаю успокаиваться. Номер мне дают роскошный, с кроватью невероятной ширины. Распаковав чемодан, отправляю Мэттью сообщение, что я на месте, надеваю купальник и иду в бассейн. В раздевалке, пока я складываю вещи в шкафчик, приходит сообщение – но не от Мэттью, а от Рэйчел:

Привет, хочу обрадовать: отпросилась уйти пораньше и буду у тебя часов в шесть. Приготовишь поесть или сходим куда-нибудь?

Сердце падает, будто я шагнула в пропасть. Как я могла забыть, что сегодня Рэйчел придет ко мне на ночь? Ведь мы же только в понедельник об этом договорились! Вспоминаю маму, и живот сводит от горячего, тошнотворного страха. Не могу поверить, что я забыла. Да, убийство Джейн и мое безграничное чувство вины сделали меня рассеянной, но забыть о том, что Рэйчел едет ко мне ночевать, – это уж слишком! Непослушными пальцами нажимаю кнопку вызова, ощущая острую необходимость поделиться с кем-то своими растущими страхами.

Рэйчел не берет трубку, хотя сама только что отправила мне сообщение. В раздевалке пусто, и я усаживаюсь на влажную деревянную скамью. Я твердо решила рассказать Рэйчел о своих опасениях по поводу проблем с памятью и теперь отчаянно хочу поскорее это сделать, пока не передумала. Звоню снова, и на этот раз она отвечает.

- Не хочешь ли переночевать не дома, а в роскошном отеле? – спрашиваю я.
- Смотря где, – отзывается она после паузы.
- В Уэстбрук-парке.
- А, это где потрясающее спа? – спрашивает она шепотом: на совещании, наверно.
- Ага. Собственно говоря, я уже здесь. Захотелось сменить обстановку.
- Да, иногда это полезно, – вздыхает она.
- Так ты ко мне присоединишься?
- На одну ночь? Нет, далековато ехать, а мне завтра на работу. Может, в пятницу?
- Да, но... – осекаюсь я, – в пятницу сюда приедет Мэттью, так что мы окажемся втроем...
- Мда, как-то неудобно получится, – хмыкает она.
- Слушай, прости, пожалуйста, что подвела тебя сегодня!
- Ничего страшного. Увидимся на следующей неделе.
- Постой, Рэйчел, я еще хотела... – начинаю я, но она уже отключилась.

31 июля, пятница

К середине дня я уже изнываю от желания увидеть Мэттью. Погода сегодня не радует, и я торчу в номере в ожидании, что он позвонит и скажет, когда приедет. Включаю телевизор, и, к моему облегчению, в новостях не говорят об убийстве Джейн. При этом я испытываю странное чувство досады: прошло всего две недели после ее ужасной смерти, а о ней уже забыли.

Звонит телефон, и я хватаю трубку.

– Я дома, – говорит Мэттью.

– Здорово! – радостно отзываюсь я. – Значит, успеешь сюда к ужину.

– Вообще-то, когда я приехал, тут был человек из охранных систем. Практически сидел у нас на пороге. – Он делает паузу. – Я и не знал, что ты, оказывается, обо всем уже договорилась.

– Договорилась о чем?

– О сигнализации.

– Не понимаю...

– Тот парень сказал, что вы договаривались на вчера. Насчет установки. Приходил мастер, но дома никого не было. И они нам названивали, похоже, каждые полчаса.

– Ни о чем мы не договаривались, – раздраженно отвечаю я. – Я только сказала, что мы с ним свяжемся, и все.

– Но ты ведь подписала договор. – Голос у Мэттью озадаченный.

– Ничего я не подписывала! Не ведись на это, Мэттью, он тебе лапшу на уши вешает, выдумывает какие-то договоренности. Это обман!

– Я сначала тоже так решил. Сказал ему, что, насколько я знаю, мы с тобой еще ничего не решили. А он показал мне копию договора с твоей подписью.

– Значит, он ее подделал!

Мэттью молчит.

– Ты что, правда думаешь, что я все это провернула? – догадываюсь я.

– Да нет, что ты! Просто подпись очень похожа на твою. – В его голосе звучит сомнение. – Когда я его выпроводил, решил полистать ту брошюру, которую ты оставила на кухне. А внутри была клиентская копия договора. Могу взять ее с собой, чтобы ты посмотрела. Если это подделка, мы сможем как-то решить проблему.

– Засудим их! – бодро подхватываю я, стараясь не дать сомнениям закрасться ко мне в голову. – А когда ты сюда приедешь?

– Сейчас приму душ, переоденусь... К половине седьмого приеду.

– Буду ждать тебя в баре.

Повесив трубку, испытываю досаду: как он мог подумать, что я заказала сигнализацию, не посоветовавшись с ним? Но противный голосок в голове издевательски спрашивает: «А ты уверена? Точно уверена?» – «Уверена!» – чеканю я в ответ. Между прочим, этот тип из охранных систем явно был из тех, кто на все пойдет ради денег; и совет, и сжульничает – лишь бы заключить сделку. С осознанием собственной правоты я спускаюсь в бар и заказываю бутылку шампанского.

Когда приезжает Мэттью, бутылка уже дожидается в ведерке со льдом.

– Тяжелая выдалась неделя? – спрашиваю я. Выглядит он совершенно измотанным.

– Не то слово, – отвечает он, поцеловав меня, и кивает на бутылку: – Неплохо!

Официант открывает шампанское и разливает его по бокалам.

– За нас! – с улыбкой произносит Мэттью, глядя на меня поверх поднятого бокала.

– За нас! И за наш шикарный люкс!

– Ого, ты заказала люкс?

– Других номеров не было.

– Какая досада! – усмехается он.

– Кровать там необъятная, – отмечаю я.

– Надеюсь, я тебя в ней не потеряю?

– Не бойся, не потеряешь. – Я ставлю бокал на стол. – Ты захватил договор, который якобы я подписала? – Хочу скорее с этим разобраться, чтобы нашему отдыху больше ничто не мешало.

Мэттью бесконечно долго достает договор из кармана. Видно, что показывать его он не хочет.

– Согласись, подпись точно как у тебя, – извиняющимся тоном произносит он, протягивая мне бумаги.

Я замираю, уставившись в документ, но смотрю не на подпись, а на сам текст. Никаких сомнений – все заполнено моим собственным почерком, и этот почерк разоблачает меня намного убедительней, чем подпись. По крайней мере, мне так кажется. Ведь можно подделать подпись – но не целые строки аккуратно заполненного договора, где заглавные буквы выведены ровно так, как это делаю я! Я тщательно изучаю страницу, пытаюсь отыскать хоть какую-то деталь, которая выдала бы подделку. Но чем внимательнее я вглядываюсь в слова, тем больше убеждаюсь: я писала их сама. Я уже почти вспоминаю, как выводила их; я практически ощущаю ручку в одной руке и чувствую, как другая рука лежит на столе, придерживая листок. Открываю рот, собираюсь соврать и откеститься от этого почерка, и вдруг, к своему ужасу, начинаю рыдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.